
Егор Филиппов
Дорога из звездного серебра

Егор Филиппов

Дорога из звездного серебра

«Автор»
2026

Филиппов Е. И.

Дорога из звездного серебра / Е. И. Филиппов — «Автор», 2026

В ночь своего двадцатилетия принцесса Аврора должна была танцевать вальс в Золотом зале. Вместо этого ей пришлось бежать из горящего дворца, спасаясь от арбалетов собственного дяди-узурпатора.Всё рушится в ночь её двадцатилетия. Родной дядя захватывает трон, а по следу Авроры пускают наёмных убийц. Единственный, кто встаёт между ней и смертью, — Рейнар, капитан её личной стражи. Безродный выходец из трущоб, чья смертоносная магия Стали требует ледяного сердца и полного отсутствия эмоций. Три года он держал дистанцию и прятал чувства за каменной маской устава.Теперь им предстоит бежать через горные перевалы и штормовые рифы, торговаться с контрабандистами и спуститься в проклятый храм, чтобы остановить древнее зло, пробуждённое узурпатором. Но в этом побеге у каждого из них есть враг пострашнее арбалетных болтов: чтобы выжить, Авроре нужен штиль в душе, а Рейнару — ледяной расчёт. Вот только с каждым шагом огонь между ними разгорается всё сильнее, грозя сжечь их обоих.

© Филиппов Е. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ночь падающих звезд 5
Глава 2. Беглецы 16
Глава 3. Дорога на юг 26
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Дорога из звездного серебра

Глава 1. Ночь падающих звезд

Шелк бального платья был создан для танцев, хрустальных люстр и лживых придворных улыбок, но никак не для запаха горькой полыни, пчелиного воска и свернувшейся крови. И уж точно не для старого дворцового лазарета в восточном крыле, куда благородным девицам Солариса полагалось заглядывать лишь по великим праздникам — с корзинкой засахаренных фруктов, в окружении фрейлин и с заранее заученной речью о милосердии.

Аврора затянула на талии грубые завязки льняного передника, стараясь спрятать под ним расшитый золотой нитью корсаж цвета морской волны, и присела на низкий деревянный табурет перед старым Матео. В высоком стрельчатом окне догорало закатное солнце, окрашивая белые каменные стены в оттенки расплавленного янтаря. Снаружи, из нижних террасных садов, тянуло теплым летним вечером — нагретым за день известняком, ночными фиалками и далеким, бесконечным океаном, дыхание которого чувствовалось в каждом уголке архипелага.

Старый садовник сидел, виновато втянув голову в плечи, и прижимал к кожаному фартуку окровавленную тряпицу.

— Не стоило вам спускаться сюда, Ваше Высочество, — прохрипел он, тревожно косясь на ее безупречную высокую прическу, в которой поблескивали шпильки с мелким речным жемчугом. — Секатор сорвался со старой лозы, с кем не бывает. Приложил бы подорожник, к утру и затянулось бы. А то ведь, не ровен час, господин канцлер узнает...

— Если оставить такую рану без присмотра, к утру начнется жар, а к полудню вы лишитесь пальцев, Матео, — мягко, но твердо возразила Аврора, осторожно разматывая пропитанную багровым ткань. — А кто тогда будет подрезать мои любимые белые розы? Придворные лекари сейчас все наверху, пьют вино и готовятся к пиру. Так что сидите смирно и не спорьте.

Порез оказался глубоким и рваным — от основания большого пальца до самого запястья. Темная кровь толчками выступала на загрубевшей от земли и солнца коже.

В груди у Авроры привычно, остро кольнуло чужой болью. Эмпатия была ее благословением и ее вечным проклятием — она чувствовала чужие страдания так, словно лезвие полоснуло по ее собственной ладони. При дворе ее считали хрупкой фарфоровой куклой, не способной ни на что, кроме вышивания и игры на арфе. Лорды улыбались ей снисходительно, лорд Кассио — ее дядя, чья тень с каждым месяцем накрывала трон все плотнее — смотрел на нее как на удобную пешку в будущих династических торгах. Никто из них не подозревал, сколько ночей она провела здесь, среди склянок с настойками и бинтов, тайком забирая боль у тех, до кого королевскому совету не было никакого дела.

Она аккуратно промокнула кровь чистой салфеткой и накрыла раненую ладонь старика своими руками.

Кожа Матео была шершавой, как кора старого дуба, а ее собственные пальцы казались на ее фоне пугающе тонкими и бледными. Аврора сделала глубокий вдох, призывая силу.

Ничего не произошло.

Под кожей не вспыхнуло ни единой искры. Лишь пустота и легкая, неприятная дрожь в кончиках пальцев.

Аврора нахмурилась, прикусив нижнюю губу. Магия Света не терпела суеты. Таков был жестокий, непреложный закон Солариса: дар созидания и исцеления подчинялся только абсолютному душевному штилю. Стоило хоть на мгновение подпустить к сердцу тревогу, раздражение от предстоящего душного бала или липкий, сосущий страх перед тяжелым взглядом дяди Кассио — и источник внутри закрывался наглухо. Гнев и паника становились стеной, превращая наследницу древней крови в обычную испуганную девчонку, бессильную перед смертью.

А сегодня внутри нее бушевал целый шторм. Этот бал в честь ее двадцатилетия пугал ее до дрожи в коленях. Она видела, как перешептываются лорды в галереях, видела, как похудел и сдал за последние недели отец, и знала — дядя готовит ловушку.

«Отпусти, — мысленно приказала она себе. — Сейчас существует только эта комната и этот человек. Все остальное подождет».

Аврора закрыла глаза, отрезая себя от полумрака лазарета, от тиканья старых часов на стене и от собственных мрачных мыслей.

Она нырнула в глубь памяти — туда, где всегда царило солнце и где ни одна тень не смела коснуться ее плеч. Маленькая, скрытая от посторонних глаз бухта за восточными скалами, куда они с матерью сбегали от придворного шума много лет назад. Теплый, рассыпчатый белый песок под босыми пятками. Соленый ветер, путающий длинные золотые волосы. Тихий, убаюкивающий шепот прибоя, накатывающего на берег. Мамин смех — легкий, звонкий, как перезвон колокольчиков. Никаких корон, никаких ожиданий, никаких интриг. Только свет, тепло и безграничный покой.

Сердце в груди замедлило свой бешеный бег. Дыхание стало глубоким и ровным.

И тогда под сомкнутыми веками вспыхнуло знакомое, живое тепло.

Оно зародилось где-то глубоко под ребрами, подобно первому лучу рассвета над океаном, разлилось по венам жидким золотом и устремилось к плечам, локтям, к самым кончикам пальцев. Аврора почувствовала, как сияние мягко просачивается сквозь кожу, окутывая ладонь старого садовника теплым, пульсирующим коконом. В полумраке лазарета заплясали золотистые блики, выхватывая из тени пучки сушеного шалфея под потолком и ряды стеклянных пузырьков на полках.

Рваные края пореза на руке Матео задрожали. Кровь перестала сочиться, плоть начала стягиваться, сплетаясь заново тончайшими светящимися нитями. Боль, которую Аврора ощущала через прикосновение, растворялась, таяла без следа, оставляя после себя лишь легкую, приятную истому. Спустя несколько ударов сердца на ладони старика не осталось даже шрама — лишь чистая, чуть розоватая кожа.

Золотой свет погас.

Аврора медленно выдохнула и открыла глаза, чувствуя привычную слабость в коленях. Магия всегда брала свою цену, вычерпывая силы до дна, но это была правильная усталость.

Матео завороженно смотрел на свою руку, сжимая и разжимая пальцы, словно не веря собственным глазам.

— Благослови вас Свет, принцесса... — прошептал он, и в его выцветших глазах блеснули слезы. — Рука как новая. Ни единого следа...

Тяжелая дубовая дверь в дальнем конце зала тихо, протяжно скрипнула.

Аврора не обернулась. Ей не нужно было поворачивать голову, чтобы узнать эти шаги — тяжелые, выверенные, но пугающе бесшумные для мужчины такого высокого роста и сложения. Воздух в лазарете неуловимо изменился, словно в душную, пропахшую травами комнату ворвался ледяной ветер с горных вершин, принесший с собой запах дождя, оружейного масла, холодной стали и приближающейся грозы.

Рейнар остановился в паре шагов от них.

Парадный черный мундир капитана королевской гвардии сидел на его широких плечах безупречно, подчеркивая каждый литой мускул человека, выковавшего себя в боях, а не в бальных залах. Серебряное шитье на высоком воротнике тускло поблескивало в неверном свете огарков свечей, а на поясе покоилась рукоять длинного меча. Его лицо — резкие скулы, упрямый подбородок, темные брови — казалось высеченным из темного мрамора. Оно оставалось абсолютно непроницаемым, но между бровями залегла глубокая, недовольная складка.

Взгляд серых, как штормовое море, глаз скользнул по грубому льняному переднику, задержался на бледных, слегка подрагивающих от магического истощения пальцах Авроры и переместился на садовника.

— Иди, старик, — негромко произнес Рейнар. В его низком голосе не было грубости, только привычная, не терпящая возражений сталь человека, привыкшего отдавать приказы и следить за тем, чтобы они исполнялись. — И впредь смотри, куда суешь руки.

Матео вздрогнул, поспешно вскочил с табурета, отвесил низкий поклон обоим и почти бегом выскользнул за дверь, оставив их наедине в гулкой тишине лазарета.

Аврора медленно поднялась, чувствуя, как шелк юбки тяжело опадает к щиколоткам. Пальцы не сразу справились с узлом передника, и она стянула его через голову, бросив на табурет. Внутри все сжалось в ожидании привычной порции ледяных наставлений.

Сейчас он начнет. Скажет ровным, бесстрастным тоном, что наследнице престола не пристало тратить магический резерв перед главным приемом года. Напомнит, что она ставит себя под удар, сбегая из-под охраны в пустое крыло дворца. За три года, что Рейнар возглавлял ее личную стражу, он ни разу не повысил на нее голос, но его безупречная, непробиваемая вежливость порой ранила больнее любого упрека. Он всегда оставался тенью за ее спиной — надежной, смертоносной, но абсолютно недосягаемой.

Но Рейнар не сказал ни слова.

Он сделал шаг вперед, затем еще один — сокращая дистанцию до опасного, почти непозволительного по дворцовому этикету предела. Авроре пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть на него, и даже так ее взгляд уперся лишь в серебряную пряжку перевязи на его широкой груди. От него исходил жар — живое, мощное тепло, от которого у нее предательски сбилось дыхание.

В руках капитана оказалась тонкая кашемировая шаль цвета слоновой кости, забытая ею в покоях еще утром. Одним плавным, отточенным движением он развернул ее и накинул на обнаженные плечи Авроры, отрезая ее от ночного сквозняка, тянувшего из открытых стрельчатых окон.

Аврора замерла, боясь пошевелиться.

Его руки. В полумраке лазарета она видела их так близко, как никогда прежде. Широкие ладони, загрубевшие от рукояти меча, покрытые белесыми ниточками старых шрамов и мозолями воина, который с детства привык выживать в портовых трущобах, а не танцевать мазурку. И эти самые руки, способные одним ударом перерубить вражеский клинок, сейчас с поразительной, почти бережной осторожностью поправляли тончайшее кружево на ее плечах.

Мозолистые пальцы случайно — или намеренно? — коснулись ее обнаженных ключиц.

По коже Авроры пробежала волна мурашек, словно от прикосновения пламени. Ладони Рейнара были горячими — слишком горячими для человека, которого весь двор считал бесчувственной ледяной статуей. На долю секунды его большой палец задержался у основания ее шеи, прямо там, где под тонкой кожей бешено, предательски бился пульс. В тишине зала Авроре показалось, что ровное, выверенное дыхание капитана вдруг сбилось, став тяжелым и прерывистым.

Она подняла глаза. Серые радужки Рейнара в сумерках казались почти черными, а в их глубине плескалось что-то темное, голодное и тщательно скрываемое — то, чему не было места в уставе королевской гвардии.

Мгновение растянулось, натянутое, как тетива лука.

А затем Рейнар резко отступил на шаг назад, словно опомнившись, и невидимая стена между ними снова встала на свое место. Лицо его мгновенно застыло, превратившись в привычную маску спокойствия.

— Бал начинается через четверть часа, Ваше Высочество, — ровно, почти официально произнес он, глядя куда-то поверх ее макушки. — Лорд Кассио уже дважды спрашивал о вас. Нам пора.

Тяжелые дубовые двери лазарета закрылись за их спинами с глухим, окончательным стуком, отсекая мир сушеных трав, тишины и странного, обжигающего прикосновения у ее ключиц.

Аврора плотнее запахнула кашемировую шаль, чувствуя, как тонкая шерсть все еще хранит жар ладоней Рейнара. Сердце билось где-то в горле, не желая успокаиваться, и она заставила себя сделать глубокий, медленный вдох, прежде чем ступить на гладкие плиты восточной галереи.

Длинный мраморный коридор тянулся перед ними, словно хребет спящего белого дракона. Высокие своды терялись в полумраке, а вдоль стен через каждые десять шагов в кованых бронзовых кронштейнах потрескивали смоляные факелы. Живое пламя отбрасывало на полированный камень длинные, пляшущие тени и выхватывало из темноты золотые рамы старинных портретов королей Солариса. Предки Авроры взирали на нее с полотен сурово и надменно, будто напоминая, что наследнице престола не пристало сбегать в лазарет за четверть часа до собственного праздника.

Издалека, из самого сердца дворца, уже доносились первые звуки оркестра. Тонкие, тягучие голоса скрипок сплетались с глубоким рокотом виолончелей, плывя по каменным переходам подобно сладкому, дурманящему вину. Там, в Золотом зале, ее ждали сотни глаз. Лорды в расшитых камзолах, дамы в драгоценностях, послы соседних островов — и дядя Кассио, чья мягкая, отеческая улыбка никогда не доходила до его холодных, цепких глаз.

Аврора покосилась через плечо.

Рейнар шел ровно на полшага позади. Ни ближе, ни дальше — идеальная дистанция, выверенная до дюйма, которую он соблюдал три года подряд. Безупречная осанка воина, вышколенного не дворцовыми танцмейстерами, а бесконечными часами на плацу. Черный парадный мундир обтягивал его широкие плечи и узкую талию, словно вторая кожа, а серебряные пуговицы поблескивали в отблесках факелов. Его профиль в неровном свете огня казался вырезанным из темного обсидиана — резкий, хищный, пугающе красивый.

После той секунды в лазарете, когда его большой палец замер у ее пульса, на лице капитана не осталось и следа былого тепла. Ни единого намека на то, что мгновение назад он смотрел на нее так, будто хотел стереть в пыль весь мир, лишь бы укрыть ее от холода.

Тишина между ними давила на виски сильнее, чем тяжелая золотая диадема в волосах. Авроре до боли захотелось разбить этот лед — услышать его настоящий голос, а не заученные фразы из воинского устава.

Она чуть замедлила шаг, позволяя себе легкую, дразнящую улыбку, и повернула к нему голову.

— Знаешь, Рейнар, — негромко начала она, стараясь, чтобы голос звучал легко и непринужденно, — придворные портные в этом году превзошли сами себя. Мой корсаж затянут так туго, что я с трудом могу вздохнуть. А глядя на твой новый мундир, мне кажется, что бедняга мастер решил сшить его из литой стали. Тебе не жмет в плечах?

Рейнар даже не повернул головы. Его серые глаза, подобные лезвию закаленного клинка, продолжали методично сканировать полутемные ниши коридора, высокие окна и тени за мраморными колоннами.

— Долг не бывает неудобным, Ваше Высочество, — отозвался он сухо и ровно, глядя строго вперед.

Ответ ударил ее, словно порыв ледяного ветра с океана. «Ваше Высочество». Снова это титулованное обращение, возведенное между ними как глухая крепостная стена.

Улыбка Авроры дрогнула, но она не отступила. Упрямство было единственным оружием, которое оставалось у нее в стенах этого золотого склепа.

— Какой же ты скучный, капитан, — вздохнула она, делая вид, что капризничает, хотя внутри все неприятно сжалось. — Сегодня мне исполняется двадцать лет. Весь вечер мне придется слушать восхищенные оды о моем «неземном сиянии» от седых графов, которые мечтают лишь о моих прибрежных землях, и танцевать с лордом Варисом, который каждый раз наступает мне на подол и дышит мне в лицо чесночным соусом. Неужели ты не можешь проявить хоть каплю сочувствия и поддержать светскую беседу?

— Моя задача — следить за тем, чтобы лорд Варис не держал за спиной отравленный кинжал, а не оценивать его манеры, — бесстрастно парировал Рейнар.

В его голосе не прозвучало ни тени усмешки. Только холодная, непробиваемая сталь.

Аврора отвернулась, глядя на отражение факелов в полированном черном мраморе под ногами. В груди разлилась знакомая, тягучая горечь. Три года. Три долгих года этот мужчина был ее единственной тенью. Он знал, какой чай она любит по утрам. Знал, что она боится грозы, хотя никогда не признается в этом при дворе. Он вытащил ее из-под копыт взбесившейся лошади на весенней охоте, не раздумывая ни секунды. И он же каждый раз, когда она пыталась сократить расстояние между ними хотя бы на шаг, отступал назад, прячась за своим званием.

Он вырос в портовых трущобах, где жизнь стоила дешевле медяка, и пробил себе дорогу наверх собственным мечом и железной волей. Аврора знала, что за глаза старые аристократы шепчутся о нем как о «цепном псе короны» — безродном выскочке, которому повезло с талантом к магии Стали. И, похоже, сам Рейнар верил в эту ложь сильнее остальных. Он видел пропасть между королевской кровью и собственной кожей, покрытой шрамами, и сам же углублял эту пропасть каждый божий день.

Навстречу им из-за поворота галереи вышли двое придворных лакеев с тяжелыми серебряными подносами, уставленными кубками с вином. Коридор в этом месте сужался из-за массивных резных пилястр, и слуги поспешно прижались к стене, склонив головы перед принцессой.

Аврора чуть посторонилась, пропуская их, и оступилась на гладком стыке мраморных плит. Каблук шелковой туфельки скользнул по камню.

Прежде чем она успела вскрикнуть, сильная рука мгновенно подхватила ее под локоть, удерживая равновесие.

Движение Рейнара было молниеносным — чистый рефлекс воина, чья магия Стали всегда дремала на грани пробуждения. Пальцы Авроры, инстинктивно ища опоры, сомкнулись на его предплечье, сжимая плотную черную ткань парадного рукава.

Они замерли.

Слуги, не смея поднять глаз, поспешно прошмыгнули мимо и скрылись за поворотом, оставив их снова одних в гулкой тишине коридора.

Аврора не убрала руку. Сквозь тонкую шерсть мундира она чувствовала литой, горячий мускул и едва уловимую, пульсирующую вибрацию — ту самую смертоносную магию Стали, которую Рейнар держал в узде ценой нечеловеческого самоконтроля. В его мире любая сильная эмоция — ярость, страх или страсть — могла сорвать печати с силы и разорвать воина изнутри. Чтобы выжить, он обязан был оставаться ледяной глыбой.

Но сейчас эта глыба трещала по швам.

Аврора подняла взгляд на его лицо. В неверном, золотистом свете факела она заметила то, что Рейнар так отчаянно пытался скрыть. Мышцы на его шее туго напряглись, а челюсти сжались так сильно, что под загорелой кожей проступила резкая линия скул. Пальцы его другой руки, лежащей на эфесе меча, сжались так сильно, что костяшки побелели, а серебряные кольца на ножнах тихо звякнули.

Грудь капитана поднялась в глубоком, тяжелом вдохе, словно ему вдруг стало не хватать воздуха в этом просторном коридоре. Он смотрел на ее пальцы, лежащие на его рукаве, и в его серых глазах на долю секунды вспыхнула такая темная, мучительная буря, что у Авроры перехватило дыхание. Ему не было все равно. Ему было невыносимо трудно оставаться холодным рядом с ней. Эта стена из устава резала его самого до крови.

Рейнар медленно, почти с усилием перевел взгляд на ее лицо. Его губы приоткрылись, словно он хотел сказать что-то — наконец-то сорвать эту проклятую маску и произнести хоть одно живое слово.

Но в этот самый миг тяжелые створки дверей в конце галереи распахнулись. Навстречу им хлынул ослепительный поток света из Золотого зала и оглушительный вал музыки, смеха и звона бокалов.

Момент рассыпался вдребезги.

Рейнар аккуратно, но неумолимо высвободил свой локоть из ее пальцев и сделал привычный полшага назад. Маска ледяного безразличия вернулась на его лицо так быстро, словно он и не снимал ее вовсе.

— Мы пришли, Ваше Высочество, — произнес он все тем же ровным, непроницаемым тоном.

Аврора молча кивнула, чувствуя, как к горлу подступает предательский ком, и расправила плечи, готовясь шагнуть в ослепительную пасть Золотого зала.

Золотой зал дворца Солариса всегда напоминал Авроре гигантскую шкатулку с драгоценностями, которую забыли закрыть под палящим солнцем.

Едва она переступила порог, как на нее обрушился ослепительный, душный водопад света, звуков и запахов. Десятки огромных хрустальных люстр, парящих под расписным куполом, дробили пламя сотен свечей на миллионы колючих искр. Они отражались в полированном паркете из красного дерева, в золотой лепнине колонн, в изумрудных ожерельях придворных дам и в рубиновых гранях бокалов, полных пряного южного вина. Воздух дрожал от смеха, шелеста тяжелого бархата, звона хрусталя и головокружительной мелодии вальса, которую выводил оркестр на верхнем балконе.

Пахло дорогими розовыми духами, жареным миндалем, воском и беззаботной, пьянящей праздностью. Никто в этом зале не думал о том, что где-то за стенами дворца, в портовых трущобах, люди считают медяки на лепешку, а в темных водах архипелага ворочается древнее зло. Здесь царила вечная весна.

Аврора надела на лицо привычную маску — мягкую, благосклонную улыбку принцессы, которой положено сиять, но не обжигать. Она скользнула вперед, плавно кивая знатным лордам, которые тут же расступились, образуя живой коридор и склоняя головы в глубоких поклонах.

— Ваше Высочество, вы затмеваете сами звезды Солариса! — проворковал толстый граф де Монфор, с трудом выпрямляя спину и масляными глазками оглядывая ее декольте.

— Вы слишком добры, милорд, — ровно ответила Аврора, не замедляя шага.

В спину ей дышал знакомый, надежный жар. Рейнар шел следом, превратившись в темную, пугающую тень посреди этого буйства золота и шелка. Придворные шарахались от него с плохо скрываемым презрением и страхом — безродный капитан в черном мундире выглядел на этом празднике жизни как ворон, залетевший в клетку с райскими птицами. Аврора почти физически ощущала, как его серые глаза безостановочно скользят по толпе, оценивая каждого гостя, каждую тень за колоннами, каждый блеск металла.

Она дошла до центра зала, остановившись у подножия мраморного возвышения, где стоял пустой королевский трон. Сердце неприятно екнуло. Отец должен был быть здесь. Король Альваро никогда не пропускал праздники в честь дочери, даже в те дни, когда его мучила странная, изматывающая слабость, начавшаяся полгода назад.

Но трон пустовал. А рядом с ним, небрежно опершись ладонью о резной золотой подлокотник, стоял лорд Кассио.

Дядя выглядел безупречно. В свои сорок пять лет он сохранил статную фигуру, густые темные волосы, лишь слегка тронутые благородной сединой на висках, и ту редкую, породистую красоту, которая заставляла дам при дворе вздыхать ему вслед. На нем был камзол цвета глубокого сапфира, расшитый серебряными нитями, а на груди поблескивала тяжелая цепь канцлера. Увидев племянницу, Кассио расплылся в теплой, по-отечески ласковой улыбке, в которой, однако, не было ни капли настоящего света. Его темные, глубоко посаженные глаза оставались холодными и цепкими, как у ястреба, высматривающего добычу.

Он поднял вверх хрустальный кубок, и оркестр на балконе мгновенно оборвал мелодию на полуноте. Шум в зале стих, сменившись любопытным шепотом. Сотни лиц повернулись к возвышению.

— Дорогие друзья! — голос Кассио был негромким, бархатистым, но обладал той удивительной силой, которая заставляет толпу замолчать и ловить каждое слово. — Благородные лорды и прекрасные дамы Солариса! Сегодня мы собрались под этими сводами, чтобы отпраздновать двадцатую весну нашей драгоценной жемчужины — принцессы Авроры!

По залу прокатился одобрительный гул и звон бокалов. Кассио сделал шаг вперед, окидывая собравшихся мягким, доверительным взглядом.

— Двадцать лет назад, в ночь падающих звезд, она пришла в этот мир, принеся с собой чистоту и свет, — продолжал он с такой искренней теплотой в голосе, что у Авроры против воли похолодело в груди. — Глядя на нее сегодня, я вижу будущее нашего архипелага. Нежное, прекрасное... и нуждающееся в твердой, надежной защите. Ибо времена меняются, друзья мои. Мир за пределами наших солнечных берегов становится жестоким, а наш любимый король, мой дорогой брат Альваро, слишком долго закрывал глаза на угрозы, копящиеся у наших границ.

Улыбка сползла с губ Авроры. За спиной она услышала, как едва слышно звякнула сталь — Рейнар напрягся, как пружина, готовая к прыжку.

— О чем вы говорите, дядя? — негромко спросила Аврора, делая шаг к ступеням возвышения. — Где мой отец? Почему его нет в зале?

Кассио посмотрел на нее с бесконечной, почти скорбной нежностью.

— Увы, моя дорогая племянница, — вздохнул он так громко, что его услышали в самых дальних углах. — Сегодня вечером здоровье Его Величества резко ухудшилось. Болезнь, точившая его последние месяцы, взяла верх. Лекари борются за его жизнь, но король больше не в силах нести тяжелое бремя короны.

В зале ахнули. Кто-то из дам вскрикнул, зажав рот рукой.

А в следующую секунду раздался оглушительный, громовой удар.

Огромные двустворчатые двери Золотого зала, обитые кованой бронзой, с чудовищным грохотом захлопнулись. Тяжелые засовы загремели снаружи, отрезая гостей от галерей. И в то же мгновение из-за мраморных колонн и тяжелых бархатных портьер по всему периметру зала, словно серые призраки, выступили солдаты. На них не было сине-золотых плащей королевской гвардии — только глухие серые накидки без знаков различия. В руках каждого из них поблескивали взведенные тяжелые арбалеты, нацеленные прямо в центр толпы.

Придворные в ужасе шарахнулись в середину зала, сбиваясь в испуганное, растерянное стадо. Раздался звон разбитого хрусталя — кто-то выронил кубок, и красное вино расползлось по паркету, словно свежая кровь.

А лорд Кассио даже не шелохнулся. Он все так же спокойно держал свой бокал, и на его красивом лице играла та же мягкая, убедительная, пугающая своей разумностью улыбка.

— Не стоит паниковать, милорды, — произнес он ровно и ласково, словно успокаивал капризных детей. — Ни один волос не упадет с ваших голов, если вы проявите благоразумие.

Ради спасения Соляриса, ради нашей общей безопасности я принял трудное, но необходимое решение. С этой минуты вся полнота власти переходит ко мне как к регенту и верховному правителю. Старый порядок слаб. Я подарю нашему народу силу, которой покорятся все моря.

Он медленно перевел взгляд на Аврору, стоящую у подножия трона, и в его глазах мелькнул холодный, хищный огонь.

— А ты, моя милая Аврора, — промурлыкал Кассио, — теперь станешь главной опорой новой империи. Твоя редкая кровь сослужит великую службу нашему будущему. Стража, проводите принцессу в ее покои... и позаботьтесь о том, чтобы ее верный цепной пес больше не мешался под ногами.

Слова дяди Кассио еще не успели растаять под сводами Золотого зала, а воздух вокруг уже взорвался криками.

Благородные дамы в шелках и бриллиантах шарахнулись в стороны, сбивая друг друга с ног. Перевернулся длинный стол с яствами, и тяжелые серебряные блюда с грохотом рухнули на паркет. Взметнулись вверх брызги красного вина, посыпался с тонким, леденящим душу звоном битый хрусталь. Праздник умер за одно мгновение, уступив место животному, слепому ужасу.

«Проводить в покои». Аврора слишком хорошо знала мягкий, бархатный тон дяди, чтобы обмануться. Покоями для нее станут сырые казематы под самой ватерлинией, откуда не возвращаются. И то, что Кассио только что сказал о ее редкой крови, заставило ледяной холод поползти по позвоночнику.

Из-за мраморных колонн слева и справа выскочили двое. На них не было тяжелых доспехов гвардии — только черная вареная кожа, скрывающая лица ниже носа, и короткие, хищно изогнутые клинки в руках. Наемные убийцы. Они двигались бесшумно и страшно, словно голодные волки, учуявшие загнанную лань, и мчались прямо к ней.

Аврора не успела даже вдохнуть.

Перед ней возникла широкая спина в черном парадном мундире.

Рейнар шагнул вперед, полностью заслоняя ее собой от всего зала. Одним слитным, почти неуловимым движением он выхватил длинный меч из ножен. Сталь запела — протяжно, чисто, словно колокол перед бурей.

Аврора стояла в полушаге позади него. Ее пальцы, помимо воли, судорожно вцепились в тяжелую шерстяную ткань его офицерского плаща, словно этот кусок черной материи был единственным якорем в рушащемся мире. Сквозь ткань она почувствовала, как тело капитана мгновенно изменилось.

Воздух вокруг Рейнара загудел. Запахло озоном, раскаленным железом и ледяным штормом.

Аврора чуть выглянула из-за его плеча и замерла. Глаза Рейнара, обычно цвета грозового моря, вспыхнули ослепительным, хищным холодным серебром. По его шее, уходя под высокий воротник мундира, и по тыльным сторонам ладоней скользнули тонкие, мерцающие металлические нити.

Магия Стали.

Ужасающий, беспощадный дар, выкованный из чистой человеческой воли. Аврора знала цену этой силы — весь дворец шептался о ней с суеверным страхом. Чтобы управлять магией Стали, воин обязан превратить свое сердце в ледяной камень. Ни гнева. Ни страха. Ни жалости. Любая вспышка живой эмоции в разгар боя сорвет внутренние печати, и сила, призванная защищать, взорвется внутри венами, разорвав мага на куски изнутри.

Именно поэтому лицо Рейнара сейчас превратилось в безупречную, пугающую маску абсолютного спокойствия. Ни один мускул не дрогнул на его резких скулах. Губы были сжаты в ровную, безразличную линию. В этом сияющем серебряном взгляде не осталось ничего человеческого — только холодный, безупречный расчет смерти.

Первый убийца обрушил свой изогнутый клинок сверху вниз, целясь Рейнару в ключицу.

Рейнар даже не пригнулся. Он двинулся с такой нечеловеческой, пугающей скоростью, что человеческий глаз едва успевал уследить за размытым черным силуэтом. Лязг металла ударил по ушам, высекая сноп золотых искр. Рейнар принял удар на свой меч одной рукой, перехватил запястье врага свободной ладонью — хрустнула ломаемая кость — и коротким, выверенным движением рукояти в висок швырнул убийцу на паркет, словно тряпичную куклу.

Второй наемник зашел сбоку, пытаясь достать Аврору, и одновременно с ним из толпы вырвались трое гвардейцев в серых плащах с длинными ясеневыми копьями наперевес.

Аврора вскрикнула, прижимаясь ближе к спине Рейнара, чувствуя, как под ее ладонью ходят его литые, стальные мышцы.

Рейнар развернулся в пол-оборота, не выпуская ее из-за спины ни на секунду. Он прикрывал ее собственным телом так, будто она была центром вселенной, единственной точкой, которую нельзя отдать врагу. Второй убийца полоснул клинком по его груди, но лезвие со скрежетом соскользнуло с черного сукна мундира, словно наткнулось на литую броню — магия Стали сделала плоть воина тверже закаленного железа. Рейнар ответил молниеносным выпадом, сбивая противника с ног ударом сапога в грудь.

В тот же миг гвардейцы с копьями бросились вперед, пытаясь прижать его к ступеням трона.

Острие первого копья метнулось прямо в горло капитана.

Рейнар не стал уклоняться. Его левая рука, оплетенная серебряными узорами магии, взметнулась вверх и намертво перехватила древко в паре дюймов от собственной шеи. Гвардеец попытался провернуть оружие, наваливаясь всем весом, но Рейнар лишь сжал пальцы.

Раздался оглушительный треск. Толстое ясеневое древко разлетелось в щепки в его голой ладони.

Не теряя ни доли секунды, Рейнар обломком копья выбил оружие у второго стражника, а третьего отбросил широким, сметающим ударом меча плашмя. Тяжелые тела в серых плащах с грохотом повалились на разбитый хрусталь и опрокинутые столы.

Вокруг них образовался пустой круг. Никто из оставшихся солдат Кассио не решался сделать шаг вперед. Они смотрели на человека в черном мундире с суеверным ужасом, словно перед ними стоял не капитан дворцовой стражи, а древний бог войны, сошедший с фресок.

Аврора стояла за его спиной, тяжело дыша, все еще вцепившись побелевшими пальцами в его плащ. Она видела, как поднимается и опускается его широкая грудь, видела тонкую ниточку крови на его скуле, где все же чиркнул один из клинков, и видела это пугающее, неземное серебро в его глазах. Он танцевал свой смертельный танец легко и беспощадно, превратившись в идеальное оружие, и все же — даже на самой грани человеческих возможностей, запертый в ледяной клетке собственного контроля — он ни на миг не забывал, где она стоит.

На возвышении у трона лорд Кассио медленно поставил свой пустой кубок на подлокотник. Его мягкая улыбка наконец исчезла, сменившись холодным раздражением.

— Арбалетчики! — негромко, но отчетливо приказал он, махнув рукой в сторону галереи. — Убить пса. Девчонку брать живой.

Два десятка тетив щелкнули одновременно.

Сухой, хищный щелчок двадцати спущенных тетив разорвал тишину Золотого зала подобно треску ломающегося льда.

Аврора не успела даже закрыть глаза. Рейнар рванулся влево с нечеловеческой, смазанной скоростью, дернув ее за собой за край плаща. Стальные болты со свистом рассекли воздух там, где мгновение назад билось ее сердце, и с глухим стуком вонзились в мраморные ступени трона, высекая мелкую каменную крошку.

— К стене! — бросил Рейнар. В его голосе все еще звенел лед магии Стали, но серебряное сияние в глазах уже начинало меркнуть, уступая место трезвому, безжалостному расчету полководца, оказавшегося в окружении.

Из боковых галерей, выбив витражные двери, в зал хлынул новый поток серых плащей. Десятки солдат с обнаженными клинками и копьями смыкали кольцо. Топот кованых сапог сливался с паническими воплями придворных и треском опрокинутых жаровен — рассыпавшиеся угли уже лизали тяжелые бархатные портьеры у окон, и едкий черный дым пополз под расписной купол.

Рейнар отступал спиной вперед, прикрывая Аврору широкой грудью и отбивая мечом редкие болты, летящие следом. Он знал: даже с магией Стали в одиночку не сдержать сотню вооруженных до зубов мятежников в открытом зале. Рано или поздно один из клинков достанет ее. А этого он не мог допустить. Ни за какую цену.

Они оказались в узкой нише за резными колоннами в дальнем конце зала, скрытой от глаз Кассио клубами густого дыма и мечущейся толпой. За спиной возвышалась глухая стена, затянутая огромным старинным гобеленом с изображением золотого солнца Солариса.

Рейнар не стал искать потайной рычаг. Он перехватил левой рукой тяжелую вышитую ткань у самого края и с силой рванул на себя.

Плотный шелк и золотые нити затрещали, срываясь с бронзовых колец. Тяжелое полотнище рухнуло на паркет, поднимая облако вековой пыли и открывая узкую, невысокую каменную арку — черный ход для дворцовых слуг, о существовании которого при дворе давно забыли все, кроме прислуги и начальника личной стражи.

В лицо им пахнуло прохладой ночного дворцового сада. Сквозь проем, ведущий на узкую каменную террасу и дальше, в подземные галереи, ворвался густой, пьянящий аромат ночных фиалок, влажной земли и цветущего жасмина. Он смешивался с горьким запахом пожара, разгорающегося за стеной Золотого зала, где уже трещало сухое дерево панелей и осыпалось горячее стекло.

— Внутрь! — резко приказал Рейнар, отступая на шаг и пропуская ее вперед.

Аврора замерла на пороге темноты. Ее взгляд метнулся обратно к дымному мареву зала, туда, где за высокими стенами, в восточных покоях, лежал ее отец. Больной, беспомощный, окруженный предателями. В груди все сжалось от острого, удушающего ужаса, от которого потемнело в глазах.

— Нет! — выдохнула она, качая головой и упираясь ладонями в холодный каменный косяк. — Рейнар, нет! Я не могу уйти! Там отец... Кассио убьет его, если я сбегу! Я должна вернуться, я могу исцелить его, я...

— Ваш отец мертв или уже в руках узурпатора, Аврора! — оборвал он ее.

Слова ударили наотмашь. И дело было не в их жестокости.

Аврора вздрогнула, подняв на него расширенные от шока глаза. Впервые в жизни. За три долгих года безупречной, вышколенной службы он ни разу не позволил себе ни единой вольности. Всегда «Ваше Высочество». Всегда полшага позади. Всегда ледяная, непробиваемая стена устава и почтения.

Но сейчас старый мир сгорел дотла вместе с упавшим гобеленом.

Рейнар шагнул к ней, полностью перекрывая путь обратно в зал. Магия Стали окончательно схлынула с его лица, и под маской бесстрастного воина вдруг проступило нечто пугающее и живое — яростная, отчаянная решимость человека, который больше не намерен спрашивать разрешения.

Он схватил ее за плечи.

Его ладони, все еще горячие от недавнего боя и схватки с магией, сомкнулись на ее обнаженной коже сквозь тонкую ткань кашемировой шали. Пальцы сжались крепко — не причиняя боли, но не оставляя ни малейшего шанса вырваться. Рейнар наклонился ниже, заставляя ее

смотреть прямо в его серые, потемневшие от грозы глаза, в которых не осталось и тени прежней покорности слуги.

— Слушайте меня внимательно, — жестко, почти рычаще произнес он, и каждое слово отдавалось вибрацией в ее костях. — Если вы вернетесь туда, вас запрут в подземелье еще до рассвета. А если вы умрете сегодня, королевству конец. Вы — последняя надежда Солариса. И я поклялся вашей матери у ее смертного одра, что сохраню вам жизнь. Идите!

Аврора задохнулась, пораженная не столько его словами, сколько этой новой, пугающей властью, которая исходила от него. Вся привычная иерархия рухнула в одно мгновение. Здесь больше не было принцессы и ее телохранителя. Остались только мужчина, взявший на себя право решать их судьбу, и девушка, чья жизнь отныне целиком зависела от его силы и воли.

Из-за угла галереи донесся тяжелый топот бегущих сапог и крики солдат:

— Они здесь! За гобеленом! Окружай!

Времени на споры не осталось. Аврора попыталась сделать шаг в темный проем, но тяжелая, многослойная шелковая юбка бального платья предательски запуталась в ногах, зацепившись за обломки камня. Она едва не упала.

Рейнар не стал ждать, пока она освободится.

Одним плавным, мощным движением он подхватил ее на руки, легко, словно она не весила ровным счетом ничего, прижал к своей широкой, защищенной черным сукном груди и шагнул в непроглядную черноту подземного тоннеля.

Аврора инстинктивно обвила руками его шею, уткнувшись лицом в воротник парадного мундира, пахнущий сталью, ночным ветром и дымом. Сзади, в проеме, блеснули факелы преследователей и с глухим стуком в каменную кладку вонзилась запоздалая арбалетная стрела.

Но Рейнар уже бежал вперед — стремительно и бесшумно, унося ее прочь от огня, предательства и прошлой жизни, навстречу ледяной неизвестности ночи.

Глава 2. Беглецы

Потайной тоннель вывел их к старой заброшенной водосточной решетке у самого подножия дворцовых скал, а дальше начался лес — густой, древний и спасительный, как темное покрывало.

Они бежали больше часа, не разбирая троп, продираясь сквозь колючий кустарник и переплетенные корни вековых дубов. Сначала Рейнар нес ее на руках, пока они не миновали открытую полосу прибрежных лугов, где любой всадник мог заметить беглецов. Потом он опустил ее на землю, велев подобрать тяжелую шелковую юбку, и повел за собой — быстрым, неутомимым шагом охотника, знающего каждую ложбину в окрестностях столицы.

Столица осталась позади, в паре миль к западу, но даже сквозь плотную стену деревьев Аврора все еще видела багровое зарево над ночным горизонтом и чувствовала на языке привкус гари. Дворец горел. Ее прежняя жизнь горела вместе с ним.

Только когда шум погони, лай сторожевых псов и далекие крики всадников окончательно растворились в глухом, монотонном гуле ночного ветра, Рейнар резко поднял руку, приказывая остановиться.

Они вышли к узкому лесному ручью, петляющему среди замшелых валунов. Полная серебряная луна пробивалась сквозь плотные, сплетенные кроны деревьев, рассыпая по черной, бегущей воде холодные, мерцающие блики. От земли тянуло сырым мхом и прелой листвой, а с ледяной поверхности ручья поднималась горьковатая свежесть сосновой смолы. Ветер раскачивал вершины сосен, и те скрипели, словно мачты старого корабля в открытом море.

Аврора привалилась спиной к шершавому стволу старого граба, чувствуя, как подкашиваются колени. Тонкие шелковые туфельки давно промокли насквозь и превратились в бесформенные грязные тряпки, подол некогда роскошного платья цвета морской волны был изорван в клочья, а в волосах запутались сухие листья и паутина.

Она жадно хватала ртом холодный ночной воздух. Грудь вздымалась и опадала, тугой корсаж впивался в ребра, не давая сделать глубокий вдох, а в висках бешено, оглушительно стучала кровь. Казалось, все тело состоит из сплошной дрожи — от шока, от холода, от осознания того, что еще час назад она должна была танцевать вальс в Золотом зале, а теперь стоит в темном лесу как беглая преступница.

— Нам нужно... перевести дух, — выдохнула она, с трудом разжимая сведенные судорогой пальцы. — Всего на пару минут.

Рейнар стоял в нескольких шагах у самой кромки воды, повернувшись к ней вполоборота. Он не прислонился к дереву и не сел, хотя они преодолели несколько миль бегом по пересеченной местности. Его высокая фигура в черном парадном мундире сливалась с тенями, и лишь бледное лицо выделялось в неверном лунном свете. Капитан всматривался в чащу со стороны столицы, прислушиваясь к каждому шороху ветра, и правая рука его привычно покоилась на эфесе обнаженного меча.

Он казался высеченным из несокрушимого гранита. Неуязвимым. Тем самым безжалостным воином, который полтора часа назад голыми руками ломал копья и раскидывал убийц по паркету Золотого зала.

Аврора сделала глубокий вдох, пытаясь унять дрожь, и шагнула к нему, чтобы поблагодарить — или хотя бы спросить, куда они двинутся дальше.

Но едва она приблизилась, луч лунного света, скользнувший сквозь просвет в листве, упал на левое плечо капитана.

Аврора замерла.

Черное сукно парадного мундира на левом рукаве — от самого плеча до локтя — выглядело странно. Оно не просто намокло от ночной росы. Ткань потемнела, отяжелела и непри-

ятно поблескивала в серебристом свете луны, словно пропиталась густым черным маслом. А по тыльной стороне левой ладони Рейнара, которую он старательно прятал за спиной, медленно катилась темная капля, срываясь с кончиков пальцев в траву.

В груди у Авроры похолодело.

— Рейнар... — тихо позвала она, делая еще шаг вперед. — Что с твоей рукой?

— Ничего, о чем стоило бы беспокоиться, Ваше Высочество, — отозвался он, не оборачиваясь. Голос его звучал ровно, но Аврора, слишком хорошо знавшая каждую интонацию этого человека, уловила в нем едва заметную, глухую напряженность. — Нам нельзя задерживаться. Кассио пустит по следу гончих, как только поймет, что мы ушли через старый водосток.

Он двинулся было вдоль берега ручья, но Аврора не позволила ему уйти.

Она быстро шагнула вперед и дотронулась пальцами до его левого рукава.

Ткань оказалась ледяной и пропитанной насквозь. Когда Аврора отдернула руку и поднесла ладонь к лицу, в лунном свете она увидела, что ее пальцы густо испачканы в чем-то темном и липком. В нос ударил знакомый, тяжелый, металлический запах свежей крови.

Она видела этот цвет и чувствовала этот запах сотни раз в дворцовом лазарете. И знала, сколько крови должен потерять человек, чтобы пропитать насквозь плотное шерстяное сукно парадного мундира. Один из тех наемников в бальном зале или арбалетный болт в тоннеле все-таки достали его. А он все это время бежал, нес ее на руках через луга, прорубал дорогу сквозь кусты — и не издал ни единого звука.

Рейнар резко дернулся от ее прикосновения. На его безупречном, каменном лице на долю секунды проступила гримаса острой боли, которую он тут же попытался задавить, плотно сжав губы и отвернувшись в тень. Он сделал шаг назад, убирая раненую руку за спину, словно провинившийся мальчишка, пытающийся скрыть порез.

— Обычная царапина, Ваше Высочество, — сквозь зубы процедил он, снова прячась за ледяной броней устава. — Клинок едва задел кожу. Не тратьте на это время.

Что-то внутри Авроры оборвалось.

Весь страх этой страшной ночи, вся беспомощность, которую она испытывала в Золотом зале, глядя на предательство дяди, и вся злость на его упрямое, самоубийственное молчание вдруг слились в одну острую, обжигающую волну.

Минуту назад он был ее спасителем — грозным, властным воином, который подхватил ее на руки и вынес из огня, не спрашивая разрешения. Но сейчас перед ней стоял не непобедимый капитан гвардии. Перед ней стоял живой, измотанный человек, истекающий кровью в темном лесу и готовый умереть на ногах, лишь бы не показаться слабым перед своей госпожой.

И в этот миг Аврора вспомнила, кто она. Не беглая жертва. А целительница, для которой чужая боль всегда была личным врагом.

Она выпрямилась во весь рост, вскинула подбородок и сделала шаг прямо на него, сокращая расстояние так, что Рейнару пришлось опустить на нее удивленный взгляд.

— Сними мундир, — приказала Аврора.

Ее голос прозвенел в ночной тишине неожиданно громко, звонко и властно — так, как она никогда еще не разговаривала с ним за все три года. В нем не осталось ни капли мягкости принцессы, только непреклонная воля лекаря, привыкшего бороться за жизнь.

Рейнар моргнул, на миг растерявшись от этого резкого тона.

— Ваше Высочество, я не могу...

— Я не прошу тебя как принцесса, Рейнар! — резко перебила она, повышая голос еще сильнее, и ее серые глаза вспыхнули в лунном свете гневным, решительным огнем. — И мне плевать на твой проклятый устав! Если ты истечешь кровью в этих кустах, мы оба умрем до рассвета. А теперь садись на этот камень и снимай мундир. Немедленно!

Несколько секунд они стояли друг напротив друга в звенящей тишине ночного леса. Слышно было только журчание ручья и шелест ветра в кронах. Рейнар смотрел на нее сверху

вниз — на перепачканную в земле девушку в разорванном бальном платье, которая смотрела на него так, словно готова была сама стащить с него одежду силой.

Наконец в серых глазах капитана мелькнуло что-то похожее на обреченную покорность. Он тяжело выдохнул, медленно опустился на плоский замшелый валун у самой воды и здоровой правой рукой потянулся к серебряным пуговицам на груди.

Серебряные пуговицы одна за другой поддались под длинными, сильными пальцами, и тяжелый черный мундир соскользнул с широких плеч на влажный мох. За ним последовала тонкая льняная рубаха, пропитанная темной, почти черной в лунном свете влагой. Рейнар стянул ее через голову одним резким, привычным движением, отбросив в сторону.

Аврора замерла на полшага, забыв, как дышать.

Ночной лес вокруг словно растворился, отступив за невидимую черту, очерченную мерцающим серебром лунного света. Не осталось ни погони, ни горящей столицы, ни страшного мира за пределами этой крошечной, уединенной поляны у ручья. Только тихий перезвон воды о камни, шепот ночного ветра в темных кронах сосен и мужчина, сидящий перед ней на замшелом валуне.

При дворе Рейнар всегда оставался застегнутым на все пуговицы — недосягаемой, закованной в сукно и сталь статуей. Но сейчас серебристый свет полной луны падал прямо на его обнаженный торс, выхватывая из полумрака каждую линию, каждый изгиб мышц, выкованных годами беспощадных тренировок и уличных боев. Широкие, развернутые плечи, рельефная грудь, под которой напряженно вздымались ребра, узкая талия и смуглая кожа, от которой даже на расстоянии веяло таким мощным, живым жаром, словно внутри него горела невидимая кузница.

И шрамы.

Белесые, рваные нити старых отметин пересекали его плечи, ребра и предплечья, рассказывая историю, которую он никогда не озвучивал вслух. Историю голодного мальчишки из портовых трущоб, которому приходилось драться за каждый кусок хлеба, прежде чем его клинок привел его ко двору. У Авроры болезненно сжалось сердце от острого, щемящего желания коснуться каждого из этих следов, забрать ту давнюю боль, которую он носил в себе в одиночку.

Но сейчас ее внимание приковала свежая рана.

Глубокий, косой порез тянулся от левого плеча вниз к бицепсу. Темная кровь все еще медленно сочилась из рассеченной плоти, стекая тонкой струйкой по напряженному мускулу. Один из убийц в Золотом зале все же достал его — и только железная воля позволила Рейнару скрывать эту боль целый час, пока он выносил ее из огня.

Аврора сглотнула вставший в горле ком и опустилась перед ним на колени прямо на прохладную, влажную траву. Пышная, изорванная шелковая юбка шуршащим облаком опала вокруг нее. Она оказалась так близко, что почувствовала его запах — смесь холодного ночного дождя, старого железа, дыма и чего-то неуловимо чистого, терпкого, принадлежащего только ему.

— Сейчас станет легче, — прошептала она, заставляя голос звучать уверенно, хотя внутри все мелко дрожало.

Она подняла руки и осторожно приложила ладони к его плечу, накрывая кровоточащий порез.

Кожа Рейнара оказалась обжигающе горячей. Контраст между ледяным ночным воздухом, от которого у Авроры мерзли обнаженные руки, и этим живым, пульсирующим пламенем под ее пальцами был настолько резким, что у нее закружилась голова. Рейнар едва заметно вздрогнул от ее прикосновения, но не отстранился, лишь крепче сжал колени здоровой рукой.

Аврора закрыла глаза, призывая силу.

Под пальцами вспыхнула слабая, робкая золотистая искра. Она осветила его плечо, но тут же нервно мигнула и погасла, оставив после себя лишь холодный лунный свет.

Аврора нахмурилась, пытаясь сосредоточиться снова, но ее руки предательски затряслись. Мелкая, неуправляемая дрожь пробежала от кончиков пальцев до самых плеч, отдаваясь стуком зубов. В голове, стоило ей только сомкнуть веки, мгновенно всплыли жуткие картины: холодная улыбка дяди Кассио, звон разбитого хрусталя, свист арбалетных болтов в миллиметре от ее лица, запах гари и ужас за отца, оставшегося в руках предателей.

Сердце забилось в ребра, как пойманная птица. Паника, которую она сдерживала всю дорогу через лес, наконец настигла ее, захлестнув с головой.

Золотой свет вспыхнул еще раз — тускло, прерывисто, словно догорающая свеча на сквозняке — и умер окончательно. Магия Света не подчинялась страху. Она требовала покоя, а внутри Авроры сейчас бушевал ледяной ураган.

— Нет... нет, пожалуйста, — выдохнула она с отчаянием, чувствуя, как на глаза наворачиваются горячие, бессильные слезы. Она снова попыталась собрать силу, но ладони лишь сильнее задрожали на его горячей, влажной от крови коже.

Рейнар смотрел на нее сверху вниз. В лунном свете его серые глаза больше не казались холодными, как лезвие меча. В них отразилось ее отчаяние — и что-то глубокое, теплое, от чего у Авроры перехватило дыхание.

Он не стал утешать ее пустыми словами и не напомнил о необходимости бежать дальше.

Вместо этого Рейнар поднял здоровую правую руку и бережно, почти невесомо накрыл ее дрожащие ладони своей широкой, мозолистой ладонью. А затем, не размыкая пальцев, он медленно отвел ее руки от раненого плеча и прижал их прямо к центру своей обнаженной груди — туда, где под литыми мышцами ровно и мощно билось его сердце.

Аврора замерла, широко распахнув глаза.

Под ее ладонями, согретыми его огромной рукой, стучало сердце воина. Тук-тук. Тук-тук. Ровный, несокрушимый, спокойный ритм, словно не было вокруг ни темного леса, ни врагов, ни рухнувшего мира. Этот стук был самой надежной вещью во всей вселенной. Он гасил ее дрожь, забирал холод ночи и вытеснял изголовы страшные воспоминания.

Рейнар наклонился ближе, сокращая расстояние между ними до одного вздоха. Его горячее дыхание коснулось ее щеки, пахнущей лесной сыростью и слезами.

— Дышите со мной, Аврора, — тихо, невероятно низко и мягко произнес он. В его голосе не осталось ни капли привычной командной стали — только глубокая, обволакивающая нежность, от которой по спине пробежала волна мурашек. — Вдох. И выдох. Я здесь. Пока я дышу, никто к вам не подойдет. Никто не причинит вам вреда. Слышите меня?

Аврора посмотрела в его потемневшие в лунном свете глаза и медленно кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

Она сделала глубокий вдох, подстраиваясь под мерное движение его грудной клетки. Еще один. С каждым ударом его сердца под ее ладонями шторм внутри нее утихал, уступая место удивительному, кристальному штилю. Вся ее вселенная сузилась до этой крошечной поляны, до жара его кожи и спокойной силы его взгляда.

Когда страх полностью отступил, Аврора осторожно скользнула ладонями обратно на его раненое плечо, но Рейнар еще мгновение не убирал свою руку, продолжая держать ее пальцы в тепле своей ладони.

Золотой свет хлынул сразу — мягкий, ровный, похожий на жидкий солнечный мед.

Сияние разлилось по коже Рейнара, выхватывая из темноты их лица, сплетенные пальцы и серебристые брызги ручья. Рваные края пореза начали стремительно стягиваться, плоть срасталась под теплом ее дара, пока на смуглом плече не осталась лишь чистая, гладкая кожа.

Свет медленно погас, возвращая поляну во власть луны.

Аврора выдохнула, чувствуя приятную усталость, но не отстранилась. Ее ладони все еще лежали на его горячем плече, а правая рука Рейнара все так же бережно удерживала ее пальцы,

словно он боялся отпустить ее в ледяную темноту ночи. Ни один из них не спешил нарушить эту тишину, в которой старые границы между принцессой и ее стражем исчезли навсегда.

Старая хижина лесника пряталась в глубокой лесной лощине, словно дикий зверь, затаившийся в густом папоротнике у подножия скал.

Когда Рейнар осторожно приоткрыл тяжелую, перекошенную дверь на ржавых петлях, внутри оказалось темно, тихо и удивительно сухо. Они скользнули внутрь, задвинув за собой толстый деревянный засов, и мир ночной погони снова отступил, оставив их наедине в тесном, замкнутом пространстве.

Рейнар нащупал на полке у входа огниво и толстый оплывший огарок восковой свечи. Спустя мгновение слабый, трепещущий язычок пламени разогнал глухую черноту, выхватив из мрака бревенчатые стены, потемневшие от времени, сложенную из речного камня печь, грубый пыльный стол и пару колченогих табуретов. Стены лачуги пропитались запахом старого, сухого дерева, лежалой хвои и холодного пепла из давно остывшего очага. За узким слюдяным оконцем, затянутым сухими ветками ели, глухо шумел ночной лес.

Аврора обхватила себя за плечи, пытаясь унять мелкую дрожь. Промокший подол некогда роскошного бального платья цвета морской волны неприятно лип к лодыжкам, а тонкая кашемировая шаль едва спасала от сырого предрассветного холода, пробирающегося сквозь щели в бревнах.

Рейнар бесшумно подошел к оконцу, приоткрыл ставню на ширину пальца и долго вглядывался в темноту чащи. Его парадный черный мундир теперь был надет прямо на голое тело — пропитанную кровью рубаху он оставил у ручья, чтобы не тянуть за собой багровый след для ищеек Кассио. Воротник мундира оставался расстегнутым, открывая взгляду темную полоску загорелой кожи у основания сильной шеи.

Убедившись, что лес вокруг пуст, Рейнар опустил ставню, повернулся к ней и медленно подошел к столу. В неверном, золотистом свете свечи его лицо казалось усталым, но решительным.

— До рассвета у нас есть пара часов, — негромко произнес он, нарушая тишину, в которой слышалось даже потрескивание фитиля. — Но как только взойдет солнце, Кассио перекроет все тракты и разошлет гонцов в каждый портовый город.

Он сделал короткую паузу, и его серые глаза скользнули по ее голове.

— Ваша внешность слишком хорошо известна народу, Аврора. Портреты наследницы престола висят в каждой ратуше. И первое, по чему вас узнает любой стражник или охотник за головами, — это ваши волосы.

Аврора инстинктивно подняла руку и коснулась растрепавшихся прядей.

За время бегства через лес высокая придворная прическа давно распалась. Жемчужные шпильки потерялись где-то среди мха и кустарника, и теперь густые, тяжелые локоны цвета расплавленного золота волнами спускались ниже пояса, блестя в свете огарка даже сквозь дорожную пыль и прилипшие сухие хвоинки. В Соларисе такие волосы — оттенка чистого солнечного света — были главной, священной приметой королевской крови дель Мар. Придворные поэты слагали о них баллады. Фрейлины каждое утро по два часа расчесывали их гребнями из слоновой кости.

Они были ее короной. Живым напоминанием о том, кому она принадлежит и какой долг обязана нести.

Рейнар потянулся к поясу и с тихим, хищным шелестом извлек из ножен свой охотничий кинжал. Широкое, вороненое лезвие хищно блеснуло в отблесках свечи.

Аврора посмотрела на сталь, затем подняла взгляд на Рейнара. Внутри все странно сжалось — не от страха, а от острого, пронзительного осознания, что сейчас умрет последняя частица ее прежней жизни. Больше не будет ни хрустальных залов, ни шелковых туфелек, ни неприкосновенной принцессы Авроры.

— Хорошо, — тихо сказала она, расправляя плечи. — Делай то, что нужно.

Она подошла к пыльному деревянному табурету посреди хижины и опустилась на него, сложив руки на коленях. Аврора закрыла глаза, чувствуя, как гулко и ровно бьется сердце в тишине старого дома.

Позади нее раздались тихие, почти неслышные шаги.

Рейнар остановился прямо за ее спиной. Аврора не видела его, но всем телом, каждой клеточкой кожи ощущала его присутствие. От него исходил тот самый мощный, обжигающий жар, который согрел ее у ручья, и терпкий запах ночного ветра, хвои и стали. Сквозь тонкую ткань шали она почти физически чувствовала его дыхание, коснувшееся ее затылка.

Затем его пальцы дотронулись до ее волос.

Аврора вздрогнула, едва сдержав судорожный вдох. Рейнар касался ее прядей так осторожно, с такой пугающей, благоговейной бережностью, словно держал в руках не волосы беглянки, а хрупкое крыло редкой птицы. Его мозолистые, огрубевшие от рукояти меча ладони медленно скользнули вниз по ее спине, собирая тяжелые золотые волны в один плотный, шелковистый пучок чуть выше уровня плеч.

Мгновение он медлил, словно сам не решался разрушить эту красоту. В тишине хижины было слышно, как тяжело и глубоко поднялась его грудь.

А затем раздался сухой, короткий, хищный звук рассекаемого шелка.

Острое лезвие кинжала прошло сквозь толстую прядь одним выверенным, безошибочным движением. Голова Авроры вдруг стала пугающе легкой, словно с плеч сбросили невидимые золотые оковы. Отрезанные длинные локоны выскользнули из пальцев Рейнара и мягко, беззвучно упали на грязный, покрытый вековой пылью деревянный пол хижины, рассыпавшись по доскам золотистым облаком.

Принцесса Солариса умерла в этой старой лачуге. И на ее месте осталась просто девушка — упрямая, живая и свободная.

Аврора все еще сидела с закрытыми глазами, прислушиваясь к странной, звенящей пустоте вокруг. Она ждала, что Рейнар сейчас отойдет к столу, уберет кинжал и заговорит о маршруте на юг.

Но он не ушел.

Позади нее застыла абсолютная, натянутая, как струна, тишина. Рейнар стоял так близко, что колени его почти касались спинки табурета. Взгляд его, тяжелый и горячий, обжигал ее открывшуюся, беззащитную шею, с которой теперь спали тяжелые пряди.

И вдруг Аврора почувствовала прикосновение.

Рейнар медленно, словно против собственной воли, поднял руку и провел тыльной стороной ладони вдоль ее обнаженной шеи — от самого основания уха вниз, к изгибу плеча.

У Авроры перехватило дыхание. По спине, до самых кончиков пальцев, прокатилась обжигающая волна мурашек. Кожа его руки была горячей и шершавой, и это едва уловимое, невероятно интимное движение было наполнено такой мучительной, сдерживаемой нежностью и голодным желанием, что у нее закружилась голова. На долю секунды пальцы капитана замерли у ее воротника, словно он боролся с невыносимым искушением наклониться ниже и коснуться губами того места, по которому только что скользнула его рука.

Аврора приоткрыла губы, готовая выдохнуть его имя, повернуть голову, позволить ему...

Но в ту же секунду Рейнар резко, почти судорожно отдернул руку, словно обжегшись о раскаленное железо.

Позади раздался тихий, сдавленный выдох, а затем звонкий щелчок — клинок кинжала с силой вошел обратно в ножны. Когда Аврора открыла глаза и обернулась, Рейнар уже стоял у противоположной стены хижины, склонившись над старым деревянным сундуком. Его спина была напряжена, как натянутый лук, а пальцы так сильно сжимали крышку сундука, что побелели костяшки.

— Поищем здесь что-нибудь из одежды, — глухо, с непривычной хрипотцой в голосе произнес он, не поднимая на нее глаз. — В этом платье вы не пройдете и полумили.

Ночь медленно отступала, растворяясь в сыром, зябком мареве раннего серого утра.

Сквозь узкие щели в закрытых ставнях в заброшенную хижину лесника просочились первые бледные, водянистые лучи рассвета. Они смешались с умирающим, чадящим огоньком свечи на пыльном столе, окрашивая бревенчатые стены в холодные пепельные тона. За порогом, в густой чаще, просыпались первые лесные птицы, но их редкие голоса звучали приглушенно, словно сам лес затаил дыхание перед надвигающимся днем.

Тяжелая, натянутая до предела тишина, повисшая в комнате после того, как золотые локоны Авроры упали на дощатый пол, постепенно сменилась деловой суетой.

Рейнар, так и не обернувшись к ней лишний раз, откинул тяжелую, окованную потемневшим железом крышку старого сундука у дальней стены. Петли жалобно скрипнули. Капитан вытащил на свет целую охапку вещей, пахнущих сушеным чабрецом, пылью и старой шерстью: грубую некрашеную мужскую рубаху из домотканого полотна, потертые суконные штаны, кожаный пояс и пару крепких, пусть и изрядно поношенных, дорожных сапог.

Он разложил одежду на краешке пыльного стола и отступил на два шага, не поднимая взгляда выше ее подбородка.

— Переодевайтесь, Аврора, — глухо произнес он. Голос его все еще звучал чуть хрипло, словно после долгого бега против ветра, но в нем снова появилась привычная, собранная четкость. — Платье слишком яркое и тяжелое. В нем мы не доберемся даже до горного перевала.

Аврора посмотрела на грубую холстину, затем на Рейнара. Его парадный черный мундир, все еще надетый прямо на обнаженную грудь, в тусклом утреннем свете выглядел измятым и покрытым пятнами засохшей грязи.

— А ты? — тихо спросила она, обхватив себя руками, чтобы унять предрассветный озноб. — В черном гвардейском сукне тебя узнают на первом же постоялом дворе еще раньше, чем меня.

— В сундуке хватит одежды на двоих, — коротко отозвался Рейнар и решительно шагнул к узкому слюдяному оконцу, поворачиваясь к ней широкой, напряженной спиной. Он приоткрыл ставню на ширину ладони и уставился в серую мглу чащи. — Поторопитесь. У нас мало времени.

Аврора не стала спорить.

Она встала за его спиной, в нескольких шагах, и принялась расшнуровывать тугой, расшитый золотой нитью корсаж цвета морской волны. Замерзшие пальцы сначала не слушались, путаясь в шелковых лентах, но вскоре сдался последний узел. Тяжелое, многослойное бальное платье, в котором еще несколько часов назад она должна была блистать под хрустальными люстрами Золотого зала, с тихим, змеиным шелестом соскользнуло по ее ногам на дощатый пол.

Аврора переступила через него и отбросила роскошный шелк в самый дальний, темный угол хижины — туда, где лежала груда старого хвороста. Никакой жалости. Ни единого вздоха. Прошлая жизнь осталась в этом углу, как сброшенная змеей тесная кожа.

Грубая домотканая рубаха оказалась неожиданно мягкой от времени, хотя и пахла сухой травой и лесом. Она была безнадежно велика — плечевые швы сползли почти до локтей, а подол доходил ей до середины бедер. Аврора торопливо натянула потертые суконные штаны, затянула их на тонкой талии старым кожаным ремнем, проделав в коже лишнюю дырку шилом, которое нашла на столе, и закатала слишком длинные рукава рубахи до предплечий.

Короткие, неровно срезанные кинжалом пряди золотых волос теперь едва касались ее шеи, легко колыхаясь при каждом движении головы. Она провела по ним ладонью и вдруг почувствовала странную, пьянящую легкость во всем теле. Никаких тугих корсетов, перехва-

тывающих дыхание. Никаких тяжелых юбок, путающихся в ногах. Впервые в жизни она могла свободно дышать и двигаться так, как захочет сама.

— Можно, — негромко сказала Аврора, чувствуя, как к щекам неожиданно приливает легкий, смущенный жар.

Рейнар медленно обернулся от окна.

И замер.

В серых сумерках утренней хижины перед ним больше не стояла неприкосновенная наследница престола Солариса, закутанная в шелка и драгоценности. Перед ним стояла тоненькая, хрупкая девушка с короткой, мальчишеской стрижкой, утонувшая в огромной мужской рубахе, с распахнутым воротом, открывающим изящную линию ключиц. Без пышных причесок и придворного грима ее большие серые глаза казались огромными на бледном, тонком лице, а в позе сквозила какая-то трогательная, беззащитная и в то же время отчаянная живость.

Аврора увидела, как застыл его взгляд, и внезапно смутилась еще сильнее. Чтобы скрыть эту странную, волнующую неловкость, она слегка развела руками в слишком длинных рукавах и неуклюже, по-девчоночьи покружилась на месте.

— Ну как? — спросила она с легкой, неуверенной улыбкой, глядя на него из-под коротких золотых прядей. — Сойду за обычного деревенского мальчишку или крестьянку?

Рейнар не ответил сразу.

Он смотрел на нее пристально — так долго и тяжело, что воздух в тесной лачуге, казалось, снова начал сгущаться и нагреваться. Его взгляд медленно скользнул по растрепанным коротким волосам, задержался на открытой шее, спустился ниже, к тонкой талии, перетянутой грубым ремнем, и вернулся к ее лицу. В глубине его серых глаз, освещенных бледным рассветом, вспыхнул и заплясал тот самый темный, голодный огонь, который он так отчаянно пытался запереть внутри. Он смотрел на нее не как верный телохранитель на объект своей охраны. Он смотрел на нее как мужчина на женщину, от красоты которой у него перехватывает горло даже в этой грязной, пропахшей пылью лачуге.

Под этим взглядом щеки Авроры вспыхнули густым, предательским румянцем. Сердце пропустило удар и забилось чаще.

Наконец в уголках суровых, обычно плотно сжатых губ капитана дрогнуло едва заметное, почти неуловимое подобие кривой усмешки. Он медленно шагнул к остывшей каменной печи, сунул пальцы в золу и обернулся к ней.

— Слишком красиво, чтобы сойти за крестьянку, Аврора, — хрипло, с низким, вибрирующим рокотом в голосе произнес Рейнар, подходя ближе. — Даже в мешке из-под овса вы будете выглядеть так, будто сбежали с портрета. Придется измазать лицо сажей.

Он поднял руку и двумя пальцами, испачканными в пепле, легко, почти дразняще провел две темные полосы по ее вспыхнувшим скулам.

Аврора засмеялась — тихо, искренне, впервые за всю эту страшную ночь. И в этот короткий миг мрачный лес за стенами хижины перестал казаться таким безнадежным.

Тихий смех Авроры еще висел в пыльном воздухе хижины, согревая тесное пространство лучше любого очага, когда ледяная реальность напомнила о себе.

Снаружи, из глубины просыпающегося утреннего леса, донесся звук, от которого у Авроры мгновенно похолодело в груди.

Далекий, протяжный, хриплый лай гончих.

Он прорезал влажный рассветный туман подобно лезвию, а следом за ним по сырой земле прокатился глухой, нарастающий перестук десятков копыт. Солдаты Кассио не стали ждать полудня. Они прочесывали чащу широкой цепью, и ищейки уже взяли след от старого водостока у подножия дворцовых скал.

Идиллия испарилась за одно мгновение.

Улыбка сошла с лица Рейнара так быстро, словно ее смыло ледяной водой. Вся мягкость, вся сдерживаемая нежность, мелькнувшая секунду назад в его взгляде, исчезла без следа, уступив место хищной, собранной настороженности зверя, почуявшего охотников.

Одним резким движением пальцев он затушил чадящий огарок свечи на столе. В хижине сразу стало темно и сыро, и тонкая струйка горького дыма потянулась к потолку. Рейнар уже успел сменить парадный черный мундир на грубую коричневую куртку лесника и темные дорожные штаны — в них он выглядел не как лощеный столичный гвардеец, а как опасный, закаленный наемник с больших дорог. Но тяжелый пояс с мечом остался прежним.

Рейнар привычным, выверенным жестом приоткрыл клинок из ножен на пару дюймов. Холодная сталь тускло блеснула в сером свете, пробивающемся сквозь щели в ставнях, и с сухим, хищным щелчком вернулась на место. Он закинул за спину холщовый мешок с остатками сухарей и флягой воды, отодвинул засов и осторожно приоткрыл дверь.

В лицо им ударил густой, молочный утренний туман.

Они выскользнули на крошечную опушку у самой стены хижины, прижимаясь к потемневшим бревнам. Лес вокруг просыпался в зябкой, призрачной дымке. Белесые клубы тумана стелились по земле, обвивая стволы вековых сосен и скрывая корни папоротника. С листьев с тихим стуком падали тяжелые капли ночной росы. Где-то высоко в кронах перекликались проснувшиеся сойки, но этот мирный лесной гомон тонул в далеком, неумолимо приближающемся лае королевских гончих.

Рейнар остановился у самого края опушки, всматриваясь в серую мглу, а затем повернулся к Авроре.

Она стояла перед ним в грубых крестьянских сапогах, которые были ей велики, в огромной мужской рубахе, с короткими растрепанными волосами и двумя темными полосами золы на щеках. Но ее серые глаза смотрели на него прямо, ясно и твердо — без тени прежнего ночного ужаса.

— Слушайте меня внимательно, Аврора, — тихо, но предельно четко произнес Рейнар, наклоняясь ближе, чтобы его голос не унес утренний ветер. — В столицу пути нет. Кассио уже закрыл все ворота, взял под стражу верных генералов и объявил вас государственной изменницей. Если мы сунемся туда сейчас, нас перебьют на первой же заставе.

Аврора сжала кулаки в слишком длинных рукавах рубахи, но не перебила его, лишь коротко кивнула, впитывая каждое слово.

— У нас есть только один выход, — продолжал Рейнар, указывая подбородком на юг, туда, где за стеной тумана поднимались темные хребты прибрежных гор. — Мы уходим через перевал на юг, в Порт Ста Ветров. Там у меня осталась старая знакомая — контрабандистка, у которой есть быстрая шхуна. Мы наймем ее корабль и уйдем в открытое море, к Острову Забытых Богов.

Аврора нахмурилась, припоминая старинные хроники из дворцовой библиотеки.

— Остров Оракулов? Но туда не плавали уже сто лет... Зачем нам туда, Рейнар?

— В древнем святилище хранится Печать Королей Солариса, — в серых глазах капитана вспыхнул холодный, упрямый огонь. — Артефакт первых правителей. Без нее лорды провинций и уцелевшие полки никогда не поверят, что вы живы, а дядя объявит вас самозванкой. Печать докажет ваше право на трон и поможет нам собрать армию, чтобы вернуться и вырвать столицу из рук узурпатора.

Он замолчал на секунду, внимательно вглядываясь в ее лицо, словно проверяя, выдержит ли эта хрупкая двадцатилетняя девушка правду о том, что их ждет впереди.

— Дорога будет тяжелой, Аврора. Пешком через горы, без золота, без охраны, с сотней ищеек на хвосте. Мы будем спать на голой земле и драться за каждый шаг.

Где-то совсем рядом, в полумиле к западу, треснула сухая ветка и раздался хриплый крик всадника, подгоняющего собак.

Аврора сделала глубокий вдох. Прохладный утренний воздух, пахнущий мокрой хвоей и свободой, наполнил легкие. В груди больше не было ни паники, ни жалости к себе, ни желания спрятаться за чужую спину.

Она посмотрела прямо в глаза своему телохранителю — мужчине, который отдал ей все, что имел, и твердо ответила:

— Я не боюсь, Рейнар. Веди.

В уголках губ капитана мелькнула едва заметная тень уважения. Он коротко кивнул, протянул ей руку, помогая переступить через скользкие корни, и они шагнули в густой утренний туман, оставляя за спиной прошлую жизнь.

Глава 3. Дорога на юг

Прохладный утренний туман, еще недавно укрывавший их подобно спасительному серому савану, умер сразу же, как только они покинули спасительную сень низинных лесов и начали подъем на южный перевал.

К полудню солнце Солариса превратилось в безжалостное белое око, повисшее прямо над головой в выцветшем, белесом небе.

Тропа вилась вверх бесконечной, изломанной змеей из острого серого сланца, рассыпающегося гравия и раскаленных валунов. Здесь не было ни вековых дубов, ни мягкого мха, ни единого клочка густой тени. Лишь редкие, кривые кусты колючего можжевельника, вцепившиеся корнями в расщелины скал, да сухой, выжженный травостой, шуршащий под ногами подобно старому пергаменту. Зной над камнями дрожал и плавился, неся с собой удушливую известняковую пыль и горечь выжженной полыни. Каждый вдох обжигал горло, оставляя на языке шершавый, пыльный привкус.

Они шли уже шесть часов без единой остановки.

Рейнар двигался впереди — на пять шагов дальше, быстрым, размашистым, но удивительно экономным шагом человека, привыкшего пересекать лиги пересеченной местности. Его высокая фигура в грубой коричневой куртке лесника сливалась с оттенками скал. Он ни разу не сбавил темп, ни разу не пожаловался на жару, лишь изредка останавливался на гребнях каменных осыпей, прищурив серые глаза и вглядываясь назад, в далекую зеленую долину у подножия гор. Там, внизу, все еще могла рыскать погоня Кассио, и каждый выигранный час отделял их от виселицы или сырых казематов.

Аврора шла следом, стараясь попадать ступнями точно в его следы на мелком гравии.

Но с каждым часом этот путь превращался для нее в тихую, изматывающую пытку.

Виной всему были сапоги. Старые, дубленые мужские сапоги из сундука лесника, которые утром казались спасением после порванных шелковых туфелек, на горной тропе обернулись настоящим орудием казни. Они были безнадежно велики — на целых два размера. Жесткая, негнущаяся кожа голенищ при каждом шаге вверх по склону с силой ударяла по щиколоткам, а пятки и пальцы при подъеме и спуске безжалостно скользили внутри грубых, неразношенных колодок, сдирая нежную кожу в клочья.

Первые водяные мозоли появились еще на третьем часу пути. К четвертому они лопнули.

Теперь каждый шаг отзывался в ступнях острой, ослепляющей вспышкой боли, словно она шла не по горной тропе, а по раскаленным углям и битому стеклу. Внутри правого сапога давно хлюпало — тонкие шерстяные онучи, намотанные утром наспех, пропитались липкой, горячей кровью и сбились в жесткие комки, которые при каждом движении впивались в содранное мясо, как камни.

Пот заливал глаза, смешиваясь с серой дорожной пылью и оставляя на щеках грязные разводы. Грубая домотканая рубаха, еще недавно казавшаяся такой свободной и легкой, теперь прилипла к спине и плечам тяжелым, влажным грузом. Солнце нещадно пекло непокрытую голову — короткие остриженные пряди почти не спасали от зноя, и виски гулко, тяжело пульсировали в такт шагам.

Аврора сжала челюсти так сильно, что заныли зубы, и впилась ногтями в ладони, пряча их в слишком длинных рукавах рубахи.

«Не смей, — яростно шептала она сама себе, глядя на широкую спину Рейнара впереди. — Не смей останавливаться. Не смей просить о пощаде».

Она слишком хорошо помнила, кем ее считали при дворе все эти двадцать лет. Хрустальной куклой. Изнеженной принцессой, которая падает в обморок от сквозняка и не способна пройти и ста шагов без паланкина или кареты. Наверняка и сам Рейнар, несмотря на все, что

произошло между ними в хижине, в глубине души все еще ждал, когда она сломается. Ждал, когда королевская кровь даст слабину, когда она начнет хныкать, жалуясь на жару, усталость и стертые ноги, заставляя его терять драгоценное время и рисковать головой ради ее комфорта.

Если она попросит привал сейчас — он остановится. Он снимет флягу с пояса, усадит ее в тень валуна и снова посмотрит на нее тем самым взглядом, каким взрослый воин смотрит на беспомощного ребенка, которого приходится тащить на себе.

Аврора ненавидела этот взгляд. Она скорее упадет замертво на этих проклятых камнях, чем снова станет для него обузой.

Она могла бы исцелить ноги прямо на ходу. Магия Света дремала под ребрами, готовая откликнуться на зов. Но Аврора знала правила своего дара слишком хорошо: чтобы исцелить плоть, нужно полностью отпустить боль, страх и напряжение, погрузившись в абсолютный, кристальный покой. А сейчас ее разум был натянут, как струна, на грани разрыва, от каждого шага перед глазами плыли черные мушки, а сердце колотилось в груди как пойманная птица. И даже если бы она сумела вызвать свет, через десять минут грубая кожа сапог снова стерла бы молодую, нежную кожу в кровь, а магический резерв, который может понадобиться им в бою, ушел бы впустую.

Нет. Она вытерпит.

Серый сланец под ногами вдруг предательски осыпался. Левая нога соскользнула с острого уступа, и тяжелый, негнущийся сапог с размаху ударил содранной пяткой о камень.

Острая, пронзительная боль полоснула от ступни до самого затылка, выбив воздух из легких. Из горла Авроры едва не вырвался глухой вскрик. Она мгновенно прикусила нижнюю губу — до солоноватого привкуса крови во рту, — схватилась за острый выступ скалы, чтобы не упасть, и замерла на долю секунды, пережидая, пока перед глазами рассеется багровая пелена.

Впереди, в пяти шагах, Рейнар замедлил ход.

Казалось, у этого человека были глаза на затылке — ни один шорох, ни одно сбившееся дыхание за его спиной не укрывалось от его волчьего слуха. Он обернулся вполоборота, прищурившись от яркого полуденного солнца. По его загорелому лбу и вискам тоже катились капли пота, темный воротник куртки был расстегнут, открывая сильную шею, но на лице не отражалось ни малейшего признака усталости.

Взгляд его серых, проницательных глаз скользнул по ее перепачканному пылью лицу, задержался на побелевших, плотно сжатых губах и опустился ниже, к ее ногам, замершим на осыпи.

— Все в порядке, Аврора? — негромко спросил он, и в его низком голосе прозвучала настороженная нотка. — До гребня осталось меньше мили. Там есть горный ручей и тень. Но если вам нужен отдых прямо сейчас...

Аврора выпрямилась. Она заставила себя разжать судорожно вцепившиеся в камень пальцы, вытерла тыльной стороной ладони пот со лба и посмотрела прямо в его серые глаза. Никакой жалости к себе. Только упрямый, холодный огонь.

— Я в полном порядке, Рейнар, — ровно ответила она, удивляясь тому, как твердо звучит ее собственный голос, несмотря на то, что внутри каждый нерв кричал от боли. — Просто камень осыпался под ногой. Не останавливайся. Нам нужно добраться до ручья раньше, чем солнце начнет садиться.

Рейнар смотрел на нее еще пару секунд. В глубине его серых глаз мелькнуло что-то сложное — смесь недоверия, тревоги и странного, невольного восхищения, которое он не успел скрыть за привычной маской. Он ничего не сказал, лишь коротко кивнул, развернулся и снова зашагал вверх по раскаленной тропе.

Аврора сделала глубокий вдох, шагнула вперед, чувствуя, как горячая кровь снова хлюпнула в правом сапоге, и упрямо двинулась следом, отказываясь сбавлять шаг.

Тропа упрямо ползла вверх, с каждой сотней шагов сужаясь и прижимаясь все плотнее к отвесной гранитной стене, словно горный хребет испытывал дерзких беглецов на прочность.

К седьмому часу пути палящий зной, запертый в каменном ущелье, сменился резким, порывистым горным ветром. Здесь, на высоте, где серые скалы обрывались в головокружительную бездну, не оставалось ничего, кроме узкого, неровного каменного карниза шириной едва в пару шагов. Справа вздымалась глухая, нагретая солнцем стена сланца, а слева — пустота. Далеко внизу, на дне каньона, тонкой серебряной нитью петляла пересохшая река, и от одного взгляда в эту пропасть начинала кружиться голова.

Ветер выл в расщелинах скал, трепал полы грубой коричневой куртки Рейнара, хлестал по лицу Авроры короткими золотыми прядями и безжалостно сушил потрескавшиеся губы. Он не приносил прохлады — лишь поднимал в воздух колючую каменную пыль, забивавшуюся в нос и глаза.

Аврора шла уже почти на чистом упрямстве, перестав чувствовать время.

Мир для нее сузился до серого камня под ногами и широких плеч Рейнара в трех шагах впереди. Боль в стертых в кровь ступнях давно переросла из резких вспышек в сплошной, пульсирующий, горячий гул, от которого при каждом шаге темнело в глазах. Правый сапог стал тяжелым и липким внутри, а левая нога горела так, словно ее опустили в кипящее масло. Ноги ватными, непослушными колодами волочились по камням, колени предательски подгибались, а сердце колотилось где-то в горле, сбиваясь с ритма.

«Еще десять шагов, — твердила она себе, стиснув зубы до боли в скулах. — Просто еще десять шагов. Не показывай ему, что ты слабая. Не смей».

Она сделала шаг, занося ногу над очередным острым выступом породы.

Но истощенные, дрожащие мышцы отказали. Носок слишком большого сапога зацепился за край камня. Аврора качнулась вперед, правая нога с размаху ударилась содранным подъемом о гранит, и резкая, ослепляющая вспышка боли пронзила ее до самого затылка.

Из плотно сжатых губ против воли вырвался короткий, тихий, сдавленный стон.

Она пошатнулась, вскидывая руки, чтобы ухватиться за шершавую стену скалы, и едва не потеряла равновесие на самом краю узкого карниза, над зияющей пропастью.

Но прежде чем ее пальцы коснулись камня, воздух вокруг словно взорвался.

Рейнар обернулся молниеносно — с той самой пугающей, звериной быстротой, с которой вчера вечером отражал клинки убийц в Золотом зале. В два огромных прыжка он оказался рядом, перехватил ее за плечи сильными руками, оттаскивая подальше от обрыва, и замер.

Его грудь тяжело вздымалась. Серые глаза, обычно спокойные, как сталь, расширились от мгновенной, едва сдерживаемой паники — того самого животного ужаса за ее жизнь, который он так отчаянно пытался прятать за ледяной маской.

А затем взгляд капитана скользнул вниз.

Он посмотрел на ее ноги. На то, как она старается не опираться на правую стопу, перенося весь вес на левую. На темное, бурое влажное пятно, проступившее сквозь швы старой, потрескавшейся кожи у самой подошвы правого сапога. И снова поднял глаза на ее лицо — мертвенно-бледное под разводами золы и дорожной пыли, с искусанной в кровь нижней губой и темными кругами под глазами.

Рейнар понял все за одну секунду. Понял, что она терпела эту пытку часами. Понял, почему она стискивала зубы на осыпи и почему так упрямо отказывалась от привала.

Его лицо мгновенно окаменело, а в серых глазах вспыхнула такая темная, тяжелая смесь ярости на самого себя и глухой, мучительной нежности, что у Авроры перехватило дыхание. Она сжалась, ожидая упреков — за то, что молчала, за то, что не сказала, за то, что снова повела себя безрассудно.

Но Рейнар не произнес ни единого упрека.

Он коротко, тяжело выдохнул сквозь стиснутые зубы, отстегнул с плеча холщовый мешок с припасами, перекинул его на грудь, а затем просто развернулся и присел перед ней на одно колено спиной, упираясь ладонью в камень.

— Залезайте, — коротко, глухо бросил он.

Аврора моргнула, растерянно глядя на его широкую, обтянутую грубой коричневой курткой спину, на которой под тканью перекатывались литые мышцы. К щекам прилил горячий, стыдливый румянец.

— Что? Нет! Рейнар, встань немедленно! — выдохнула она, делая шаг назад, несмотря на пронзившую ступню боль. — Я сама дойду! Тут до гребня осталось совсем немного, я не какая-нибудь беспомощная кукла, чтобы...

— Это не просьба, Ваше Высочество, мы теряем темп, — перебил он ее ровным, не терпящим ни малейших возражений тоном, бросив через плечо холодный, предупреждающий взгляд. — У нас нет времени на вашу гордость. Либо вы залезаете сами, либо я перекину вас через плечо как мешок с мукой и понесу силой. Выбирайте.

В его голосе звенела та самая непреклонная сталь командира, против которой бессильны любые доводы. Аврора посмотрела на его напряженную спину, затем на бездонную пропасть слева, куда дул порывистый ветер, и поняла: он не отступит.

Сдавшись с тихим, смущенным вздохом, она шагнула вперед.

Аврора осторожно наклонилась, обхватила его руками за шею и перенесла вес на его спину. Рейнар мгновенно подхватил ее под колени своими сильными, надежными ладонями, прижимая ее ноги к своим бокам, и поднялся.

Он встал так легко, словно она не весила ровным счетом ничего. Ни малейшего напряжения в плечах, ни сбившегося дыхания, ни дрожи в коленях — словно за его спиной была не взрослая девушка, а легкий дорожный плащ. Мощная, несокрушимая сила воина, для которого эта горная тропа и ее вес были пустяком.

Рейнар поправил хватку, прижимая ее ближе к себе, и уверенно, размашисто зашагал вверх по узкому каменному карнизу, держась ближе к скале.

Аврора сначала замерла, смущенная этой внезапной, головокружительной близостью. Слишком близко. Слишком интимно. Ее грудь плотно прижималась к его широкой, горячей спине, сквозь грубую шерсть куртки и тонкую домотканую рубаху она чувствовала каждый вдох, каждое движение его мощных лопаток. Его большие, горячие ладони надежно держали ее под коленями, а ветер приносил прямо к ее лицу его запах — дым ночного костра, холодная горная сталь, терпкая хвоя и живое, чистое мужское тепло.

Боль в стертых до крови ступнях, лишенная опоры о жесткую землю, начала медленно, благословенно отступать, сменяясь легкой, тягучей истомой.

Прошло пять минут. Десять. Монотонный, уверенный ритм шагов Рейнара вверх по тропе убаюкивал лучше любой колыбельной. Ледяной горный ветер все так же выл над обрывом, но за широкими плечами капитана его почти не чувствовалось — Рейнар заслонял ее от стихии, как заслонял от клинков в Золотом зале.

И впервые за последние сутки — с того самого мгновения, как закрылись бронзовые двери бального зала и рухнул ее прежний мир — Аврора почувствовала абсолютную, ничем не омраченную безопасность. Рядом с ним не нужно было бояться. Не нужно было притворяться сильной. Можно было просто отпустить контроль.

Внутреннее напряжение, державшие ее в тисках со вчерашнего вечера, вдруг растаяло.

Глаза сами собой начали закрываться. Голова Авроры тяжело опустилась ему на плечо, она глубже уткнулась носом в жесткий воротник его куртки, вдыхая родной, успокаивающий запах, и провалилась в глубокий, безмятежный сон.

Рейнар почувствовал, как ее дыхание у его шеи стало ровным и глубоким, а пальцы, сцепленные на его груди, расслабились. Он чуть замедлил шаг на долю секунды, бережно, почти

незаметно поправил ее на руках, чтобы ей было удобнее спать, и двинулся дальше вверх по скалам — молчаливый страж, несущий на плечах свое самое драгоценное сокровище.

Прохлада горного воздуха первой коснулась ее щеки, мягко вытягивая из глубокого, безмятежного сна.

Аврора медленно открыла глаза и не сразу поняла, где находится. Палящий полуденный зной и головокружительная бездна под ногами исчезли. Они миновали перевал, спустившись в небольшую, удивительно уютную горную лощину, со всех сторон укрытую от чужих глаз и порывистого ветра стеной огромных серых валунов, поросших серебристым мхом.

По краю поляны, весело перезваниваясь на гладких камешках, бежал узкий горный ручей с кристально чистой, ледяной талой водой. Воздух здесь был густым, прохладным и пьяняще свежим — он пах раздавленными ягодами дикого можжевельника, нагретой за день сосновой смолой, сырым камнем и горной мятой. Солнце уже клонилось к западным пикам, заливая лощину мягким, медовым светом.

Аврора обнаружила, что сидит на плоском, теплом от солнца камне у самой кромки воды, прислонившись спиной к валуну, а на ее плечи накинута куртка Рейнара. Сапоги — те самые проклятые, слишком большие мужские сапоги — были аккуратно стянуты с ее ног и стояли рядом, а окровавленные шерстяные онучи исчезли. Должно быть, Рейнар сам снял с нее обувь, пока она спала у него на плече, и сделал это так бережно, что она даже не проснулась.

У нее в груди разлилось странное, щемящее тепло.

В десяти шагах от ручья, в небольшой ямке, обложенной камнями, Рейнар разводил костер. Он остался в одной темной домотканой рубахе с закатанными до локтей рукавами, открывающими предплечья с рельефными венами и белесыми ниточками шрамов. Движения его были экономными и точными: он укладывал сухие ветки можжевельника и бересту шалашиком так, чтобы огонь горел ровно и почти не давал дыма, способного выдать их стоянку ищейкам Кассио.

Аврора посмотрела на свои ступни.

После сна боль утихла, сменившись тупым, ноющим жжением. Лопнувшие мозоли и ссадины выглядели пугающе — кожа на пятках и пальцах была содрана в кровь, покрыта засохшей сукровицей и дорожной пылью. Но теперь, после отдыха, в душе больше не бушевал ни страх, ни отчаяние. Внутри царил удивительный, кристальный покой, подаренный этим тихим горным убежищем и ощущением абсолютной безопасности рядом с мужчиной у костра.

Аврора медленно спустила ноги с камня и опустила ступни в ручей.

Ледяная вода обожгла кожу, смывая грязь и запекшуюся кровь, а следом принесла блаженное облегчение. Аврора закрыла глаза, сделала глубокий вдох, втягивая терпкий аромат можжевельника, и опустила ладони на свои колени, направляя силу вниз.

Магия Света откликнулась мгновенно, без малейшего сопротивления.

Под прозрачной водой ручья, окутывая ее щиколотки и ступни, вспыхнуло мягкое, текучее золотое сияние. Вода засветилась изнутри, словно в нее опустили расплавленное солнце. Приятное, покалывающее тепло прошло по венам, стягивая рваные края ран и заживляя содранную плоть. Через несколько ударов сердца боль исчезла полностью. Аврора вытащила ноги из ручья — кожа на ступнях снова стала гладкой, чистой и здоровой, без единого следа недавней пытки.

Она вытерла ноги краем собственной длинной рубахи, натянула сапоги — без окровавленных комков онучей они сидели куда свободнее, хотя все еще были великоваты — и поднялась.

В костре тем временем весело затрещали сухие ветки. Тонкий, почти невидимый прозрачный дымок поднимался вверх, тут же рассеиваясь в горном воздухе.

Аврора подошла к огню и остановилась напротив Рейнара.

Он поднял на нее взгляд, отрываясь от углей. Серые глаза капитана мгновенно скользнули по ее лицу, проверяя, исчезла ли бледность, а затем опустились к ее ногам. Убедившись, что она стоит уверенно и больше не хромает, Рейнар едва заметно выдохнул, и напряжение в его плечах чуть ослабло.

— Вы проснулись, Аврора, — негромко произнес он, бросая в огонь еще одну сухую ветку. — Отдохните еще немного. Я достану сухари и вяленое мясо, нам нужно подкрепиться перед ночным переходом.

Но Аврора не села. Она стояла прямо, глядя на него сверху вниз, и в ее серых глазах горел тот самый упрямый, решительный свет, который он уже видел на рассвете у хижины лесника.

Вспомнив, как беспомощно она споткнулась на краю обрыва и как ему пришлось тащить ее на спине, словно раненого олененка, Аврора почувствовала в груди укол стыда и острой, жгучей решимости. Если завтра на их пути встанут солдаты Кассио, разбойники или дикий зверь, она не сможет просто стоять за его спиной, вцепившись в край куртки. Один меч — даже в руках лучшего фехтовальщика Солариса — не всегда спасет двоих.

— Рейнар, — твердо произнесла она, делая шаг ближе к костру. — Научи меня драться.

Рейнар замер с веткой в руке. Он медленно поднял голову, вглядываясь в ее перепачканное золой лицо, словно не веря собственным ушам.

— Простите? — переспросил он с легким прищуром.

— Научи меня драться, — повторила Аврора громче и отчетливее, не отводя взгляда. — Обращаться с клинком, уходить от захвата, защищаться. Я не хочу быть беспомощной вещью, которую ты таскаешь на спине через горы.

Над поляной повисла тишина, нарушаемая только журчанием ручья и треском можжевельника в огне.

Рейнар смотрел на нее долго и пристально. И дело было не только в ее словах. Дело было в том, как она это сказала. Никакого приказа. Никакого «Ваше Высочество требует». Простое, честное слово: «научи». Впервые за три года принцесса Солариса не ставила себя ни на ступень выше него. Она признала, что он сильнее и опытнее, и попросила о помощи как равный человек у равного.

В уголках суровых губ капитана дрогнуло едва заметное удивление, сменившееся тем самым тихим, глубоким уважением, которое не купишь никакими золотыми монетами. Он посмотрел на ее тонкие запястья, на упрямо сжатый подбородок, на огонь в ее глазах — и понял, что спорить с ней сейчас так же бесполезно, как пытаться остановить горный обвал.

Рейнар медленно поднялся на ноги во весь свой внушительный рост, отряхнул ладони от пепла и посмотрел на нее сверху вниз с легкой, почти неуловимой усмешкой.

— Уверены, Аврора? — негромко спросил он, и в его голосе зазвучали низкие, серьезные нотки наставника. — Я не придворный учитель фехтования. Я не буду кланяться, просить прощения за синяки и бить плашмя, чтобы не поцарапать вашу кожу. Улица учит жестоко. Если вы уроните оружие — я не буду его поднимать.

— Я не уроню, — без колебаний ответила Аврора, расправляя плечи.

Рейнар молча кивнул. Его правая рука опустилась к поясу, туда, где в кожаных ножнах сбоку покоился второй, запасной кинжал — более легкий и короткий, чем его основной охотничий клинок, с удобной рукоятью, обмотанной темной тисненой кожей.

Он извлек оружие из ножен. Вороненая сталь тускло блеснула в лучах закатного солнца. Рейнар перехватил кинжал за широкое лезвие, держа его открытой ладонью так, чтобы не порезаться, и протянул ей рукоятью вперед.

— Держите крепко, но не сжимайте так, будто хотите задушить рукоять, — сказал он, глядя ей прямо в глаза. — Иначе через пять минут сведет пальцы. Начнем прямо сейчас, пока не стемнело.

Аврора сделала шаг вперед и сомкнула пальцы на теплой, потертой коже рукояти. Оружие оказалось тяжелее, чем она думала, но удивительно сбалансированным. Она приняла кинжал, чувствуя, как внутри рождается новое, пьянящее чувство силы — впервые в жизни она держала в руках не целебный свет, а холодную сталь, готовую защитить их обоих.

Солнце окончательно скатилось за острые зубцы западных гор, утопив уютную лощину в густых, бархатных сумерках.

Последний закатный свет окрасил гранитные вершины в нежный, призрачно-розовый цвет, а в самой низине, у ручья, уже сгущались сиреневые тени. Бездымный костер догорал ровным, горячим жаром, отбрасывая на валуны мягкие оранжевые блики. Воздух заметно остыл, принеся с гор свежесть ночного камня, густой аромат раздавленного можжевельника и тихое, монотонное журчание воды.

Аврора стояла на ровном пятачке утоптанной травы в нескольких шагах от огня, сжимая в правой руке запасной кинжал Рейнара.

Сталь казалась тяжелой, чужой и неумолимой. За двадцать лет жизни во дворце ее тонкие, длинные пальцы привыкли к грифу арфы, серебряной игле для вышивания, хрустальным флаконам с лечебными настойками — но никак не к холодному, хищному железу, созданному для того, чтобы отнимать жизнь.

Рейнар отошел на три шага и встал напротив. В закатных сумерках его высокая, статная фигура казалась вылитой из темной бронзы. Закатанные рукава домотканой рубахи открывали мускулистые предплечья, по которым в отсветах углей скользили длинные тени.

— Забудьте все, что вы видели на дворцовых турнирах, Аврора, — негромко, с ровной, сосредоточенной интонацией наставника начал он. — Там лорды танцуют с рапирами ради аплодисментов дам. В переулках или на лесной тропе вам не дадут времени на поклон. Враг всегда будет крупнее, тяжелее и сильнее вас. Ваше единственное преимущество — скорость, неожиданность и умение бить туда, где не прикрыто доспехом.

Он легко, плавно изменил положение тела, демонстрируя базовую стойку.

— Левую ногу вперед, правую чуть назад, колени слегка согнуты. Вес на носках, не замирайте на пятках, иначе вас собьют с ног одним толчком. Левая рука прикрывает грудь и горло, правая с кинжалом — у бедра, острием вперед и чуть вверх. Попробуйте.

Аврора прикусила нижнюю губу и постаралась повторить его движения.

Но получилось неуклюже. Ноги в слишком больших, грубых сапогах стояли скованно, спина оставалась прямой и напряженной, как на уроке дворцовых танцев, а кинжал она держала так неловко и высоко, словно собиралась не обороняться, а нарезать хлеб к ужину. Пальцы судорожно вцепились в кожаную оплетку рукояти, костяшки побелели от напряжения.

Рейнар смотрел на нее пару секунд, и в глубине его серых глаз мелькнула едва заметная, сдержанная тень улыбки, которую он тут же погасил.

— Если вы выйдете против разбойника в такой позе, он просто выбьет клинок щелчком пальцев, — сухо заметил капитан. — Вы держитесь так, будто боитесь испачкать бальное платье, Ваше Высочество. Расслабьте плечи.

Он сделал шаг вперед, затем еще один, обошел ее по дуге — и остановился прямо за ее спиной.

Аврора мгновенно замерла.

Воздух вокруг нее словно сгустился, став тяжелым и наэлектризованным. Она не видела Рейнара, но каждой клеточкой кожи, каждым оголенным нервом ощущала его присутствие в опасной, головокружительной близости. Сквозь тонкую, некрашеную домотканую рубаху, которая была ей безнадежно велика, она почти физически чувствовала мощный, живой жар, исходящий от его тела.

Рейнар шагнул еще ближе — встал вплотную.

Его широкая, литая грудь прижалась к ее спине. Сквозь два слоя тонкой ткани Аврора почувствовала твердость его мускулов и ровный, мощный ритм его сердца, отдающийся вибрацией прямо в ее лопатки. Его высокий, сильный силуэт полностью накрыл ее собой, закрывая от прохладного горного ветра и всего остального мира. Подбородок Рейнара оказался так близко, что почти касался ее макушки, и при каждом его вдохе теплое дыхание путалось в ее коротких, растрепанных золотых прядях, пробегая по шее обжигающей волной мурашек.

Вечерний ветер донес до нее его запах — густой, терпкий, сводящий с ума. Запах дыма ночного костра, холодной оружейной стали, раздавленной хвои можжевельника и чистого, горячего мужского тела.

У Авроры перехватило дыхание. Голова закружилась так резко, словно она залпом осушила кубок крепкого южного вина. Внутри, где-то глубоко под ребрами, вспыхнул и разлился по венам сладкий, тягучий огонь, не имеющий ничего общего с ее спокойной магией Света.

— Слишком прямо стоите, — глухо произнес Рейнар прямо над ее ухом.

Его правая рука поднялась и накрыла ее правую ладонь, сжимающую рукоять кинжала.

Мозолистые, обжигающе горячие пальцы воина сомкнулись поверх ее тонких, холодных от волнения пальцев. Он был намного больше и сильнее ее — его широкая ладонь полностью скрыла ее кисть, бережно, но твердо разжимая ее судорожную хватку и поправляя положение большого пальца на гарде. В то же время его левая рука легла ей на левое бедро, мягко, но настойчиво разворачивая ее корпус вполоборота, ставя ее в правильную, устойчивую позицию.

Это прикосновение было простым, чисто рабочим — так наставник поправляет ученика. Но оба они знали, что между ними давно не осталось ничего «простого».

Пальцы Рейнара на ее бедре не отстранились сразу, задержавшись на долю секунды дольше положенного, словно он с трудом заставлял себя разжать ладонь. По спине Авроры пробежала дрожь, от которой подкосились колени. Она забыла, как дышать, забыла о кинжале, забыла о горах и погоне — существовал только этот жар за ее спиной, его горячее дыхание на ее шее и тяжесть его руки поверх ее собственной.

— Локоть... прижмите ближе к корпусу, — заговорил Рейнар снова, но привычная четкость наставника вдруг дала сбой.

Его голос изменился. Из него исчезла командирская сталь, уступив место низкому, глухому, срывающемуся рокоту, от которого у Авроры заныло внизу живота. Он запнулся на полуслове, тяжело сглотнув. Аврора почувствовала, как его грудь за ее спиной поднялась в глубоком, прерывистом вдохе — словно этому несокрушимому воину вдруг стало не хватать горного воздуха.

Оба застыли в розовых сумерках. Урок превратился в тонкую, натянутую до предела струну, готовую лопнуть от одного неверного движения. И оба они понимали, что это уже давно не просто тренировка. Это была пытка близостью, от которой ни один из них не хотел отказываться.

Рейнар медленно, почти с усилием взял себя в руки, хотя его дыхание у ее виска все еще оставалось горячим и неровным. Его пальцы крепче обхватили ее руку с кинжалом, направляя движение.

— Вот так... — хрипло прошептал он ей на ухо, ведя ее руку вперед и вверх в плавном, выверенном выпаде. — Не рубите сверху, у вас не хватит веса. Бейте снизу вверх, под ребра. Быстро и без жалости.

Аврора сделала выпад, чувствуя, как его тело движется в такт с ее телом, направляя, поддерживая и обжигая ее каждым прикосновением. Когда движение завершилось, Рейнар еще мгновение не отпускал ее руку и не отступал назад, позволяя им обоим утонуть в этой опасной, сладкой тишине горных сумерек.

Бархатные розовые сумерки давно уступили место глухой, ледяной горной ночи.

Бездымный костер почти догорел, превратившись в горстку тлеющих рубиновых углей, над которыми в черном воздухе лишь изредка взлетали золотистые искры. Уютная лощина у ручья, еще час назад казавшаяся надежным убежищем, теперь утопала в густых, непроницаемых тенях. Огромные валуны по краям поляны превратились в молчаливых каменных великанов, а над головой раскинулось бездонное, безлунное небо, усыпанное холодными, колючими звездами.

Даже горный ветер стих, и на поляну опустилась тяжелая, звенящая, тревожная тишина. Перестали перекликаться ночные птицы. Умолкли сверчки в жухлой траве. Слышно было только глухое, монотонное журчание ледяного ручья о камни — да редкое потрескивание остывающей золы.

Аврора сидела у самого края кострища, завернувшись в теплую коричневую куртку Рейнара, которую он снова накинул ей на плечи после тренировки. Рядом на плоском камне лежал запасной кинжал. После того головокружительного урока, когда жар его груди обжигал ее спину, а хриплый шепот у уха заставлял кровь пульсировать в венах, Аврора так и не смогла сомкнуть глаз. Она смотрела на тлеющие угли, пытаясь унять беспокойное сердце, и украдкой поглядывала на Рейнара.

Капитан сидел напротив, прислонившись спиной к валуну. Он не спал — воин его закалки никогда не позволял себе роскоши закрыть глаза в диких горах. В полумраке его лицо казалось высеченным из темного камня, а серые глаза настороженно вглядывались в темноту за пределами поляны.

И вдруг Рейнар замер.

Ни один мускул не дрогнул на его лице, но Аврора, научившаяся читать малейшие изменения в его позе, сразу уловила эту внезапную, хищную собранность. Рука капитана медленно, бесшумно скользнула к эфесу длинного меча, лежащего поперек его колен.

— Не двигайтесь, — едва слышно прошептал он, почти не разжимая губ.

В следующую секунду в густых зарослях можжевельника у входа в лощину раздался тихий, предательский хруст сухой ветки.

Из черной тени между валунами на поляну вышли трое.

Это не были королевские гвардейцы в серых плащах — на пришельцах висели рваные кожаные куртки, меховые жилеты и грязные шерстяные обмотки. Небритые, обветренные лица, хищные, голодные взгляды и тяжелые дубины с кривыми охотничьими тесаками в руках. Горные мародеры. Отребье, промышляющее грабежом путников на южном перевале. Должно быть, они почуяли слабый запах жареного вяленого мяса или заметили отблеск углей с верхних уступов.

Главарь — коренастый детина с кривым шрамом через всю щеку — остановился в пяти шагах от кострища, окинув взглядом двоих путников в грубой крестьянской одежде. В темноте и отсветах углей Аврора в огромной мужской рубахе, потертых штанах и с коротко остриженными волосами выглядела как худенький, перепуганный деревенский мальчишка.

Мародеры плотоядно ухмыльнулись. Они решили, что наткнулись на легкую добычу — одинокого путника и сопливого подростка, у которых наверняка найдутся пара серебряных монет, сапоги и припасы.

— Какая удача на ночь глядя, парни, — хрипло загоготал главарь, поигрывая тяжелым тесаком. — Выворачивайте карманы, приятель, и снимай сапоги. Если не будешь дергаться, может, оставим вас с малым в живых.

Рейнар не ответил ни слова.

Он поднялся на ноги одним плавным, пугающе быстрым движением. Сталь длинного меча с леденящим душу звоном покинула ножны. Воздух вокруг капитана мгновенно загудел и похолодел — глаза Рейнара вспыхнули знакомым, беспощадным серебром магии Стали, а лицо превратилось в непроницаемую ледяную маску.

Главарь мародеров осекся на полуслове, почувствовав исходящую от этого молчаливого незнакомца смертельную угрозу.

— Вали его! — рявкнул бандит, бросаясь вперед вместе со своим подельником.

Меч Рейнара описал в темноте ослепительную серебряную дугу. Лязг металла взорвал ночную тишину. Капитан принял удар тяжелого тесака на клинок, тут же ушел от дубины второго бандита с невероятной, нечеловеческой скоростью и коротким, выверенным ударом кулака в челюсть отбросил второго противника на камни. Главарь взревел и снова ринулся в атаку, замахиваясь обеими руками. Рейнар связал боем обоих, кружа в смертельном танце у самого костра, высекая клинком снопы искр.

Аврора вскочила на ноги, отступая к краю поляны. Пальцы ее судорожно сжали рукоять запасного кинжала, который она успела схватить с камня.

И в этот миг сзади, из темноты за ее спиной, раздался тяжелый топот.

Третий мародер — тощий, жилистый бандит с перекошенным от злобы лицом — не полез в драку с мечником. Он обошел поляну за валунами, решив сначала скрутить «мальчишку», чтобы взять его в заложники и заставить опасного противника бросить меч.

Прежде чем Аврора успела обернуться, жесткая, вонючая ладонь с силой зажала ей рот, заглушая крик, а вторая рука, словно железный обруч, сдавила ее грудь и ребра, прижимая спиной к тощему, пропахшему кислым потом и перегаром телу бандита.

— Бросай железяку, падаль, или я сверну пацану шею! — заорал мародер, пятясь с Авророй к темноте кустов.

Воздух выбило из легких. Грубая рука сжимала ребра так сильно, что в глазах потемнело, а пальцы на губах не давали сделать даже крошечный вдох. Старый, липкий ужас — тот самый, что сковал ее в Золотом зале — поднялся из глубины души, пытаясь парализовать разум.

«

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.